

Р.Ц.33
К
С-47

Одеське Наукове при Українській Академії Наук Товариство
Секція Історично-Філологічна — № 2

ТАРАС СЛАБЧЕНКО

**З ЛИСТУВАННЯ
М. Л. КРОПИВНИЦЬКОГО**

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+ 15

Шифр РкЩ33.С-47 Инв.№ 2429319

Автор Слабченко Ст.

Назва З листування М.В. Кро-
тивницькою.

Місце, рік видання Б.м., 1928.

Кіл-ть стор. 90, [1] с. і мал.

-\\- окр. листів _____

-\\- ілюстрацій _____

-\\- карт _____

-\\- схем _____

Том _____

Конвolyот _____

Примітка:

З. 09.
М

Б 262565

702(09)(477.1)

ТАРАС СЛАБЧЕНКО

Ц 33
С-47

З ЛИСТУВАННЯ
М. Л. КРОПИВНИЦЬКОГО

2429319
2

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ

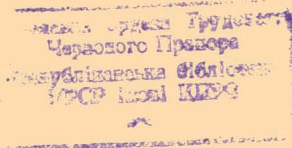
1927

к

ЦД 334.3(вук)152-86 Кропивницький Ш.А.13

Окрліт (Одеса) № 415
Зам. № 3573. Тираж—300 прим.

„ОДЕСПОЛІГРАФ“
Перша Державна Друкарня
імени Карла Маркса
Одеса, Стурдзівський пр., 3-а
Телефони: 2-50 21-46

Листи М. Л. Кропивницького, що їх оце публікується, охоплюють час з 24-X-1880 р. до 24-I-1908 р.; їх адресовано до трьох осіб, а саме: 1) до сестри відомого українського письменника Д. Марковича—А. В. Маркович, з якою М. Л. мав одружитись; 2) до видатного одеського громадянина М. Ф. Комарова та 3) до свого учня по сцені — О. З. Сусллова. Залежно від адресата листи мають в кожному випадкові відмінний характер. Так, листи до Маркович освітлюють Марка Лукича, як людину, до Комарова — як громадянина та драматурга, в листах до Сусллова зустрічаємось з Кропивницьким, як з актором та організатором трупи. У відповідний спосіб і використано матеріал з цих листів для вступної статті, яка має завданням виявити М. Л., як людину, актора та режисера. Як драматурга — на це є кілька цінних вказівок в листах Кропивницького — ми його зовсім не розглядаємо. В статті зведено до мінімуму чи й випущено те, про що доводилось нам писати в статтях журналу „Життя й Революція“ та в збірникові „За сто літ“, щоб не повторюватися. Прогалини в матеріялах частково заповнено газетними джерелами.

Уважливий огляд виносок вступної статті виявить групу листів, які не публікуються: це листи, що належать І. П. Перванові, який дав ласкавий дозвіл лише на використання його матеріялів для вступної статті. Це листи до внучки з 5-XII-1906 року, до Марковичевої з (19-XI), (28-XII) 1882 року 16-IV-1883 року, та до сина: з 29-I-1905 року (20-II), (28-III) (5-V), (20-XII) 1907 року, (21-IV), (6-VII), (5-X) 1908 року (31-III), (17-IV), (27-VIII) (21-VII), (21-XII) 1909 року.

Хотілось-би, щоб „З листування М. Л. Кропивницького“ послужило імпульсом до можливо повного видання всіх існуючих силових матеріялів, що стосуються до одного з корифеїв українського театру. Тоді тільки й стане можливим в достатній мірі повно й правильно висвітлити його ролю та вагу в будіванні нового побутового нашого театру.

Наприкінці визнаємо за милий обов'язок подякувати власникам листів — М. Г. Липі (листи до Маркович), Б. М. Комарову, О. З. Суслову й І. Перванові, які радо поділилися з нами своїми матеріялами.

Т. С.

М. Л. КРОПИВНИЦЬКИЙ
В ЙОГО ЛИСТАХ

Якщо до історії нашого театру прикласти загально-історичну періодизацію України, то доведеться для нового побутового театру виходити від 1861 р., коли справді відбувся перелом в економіці України, а разом з цим і в усій надбудівлі. Дата 1861 р. цілком виправдує себе, хоч і йде ніби всупереч з періодизацією, накресленою Д. Антоновичем. Останній історію українського театру XIX та XX ст.ст. розбиває на дві доби: — доба свіцького театру (1819—1881 рр.) та побутового (1881—1917 р.р.). Поділ Д. Антоновича говорить в дійсності про досить випадкову дату 1881 р. (рік дозволу від російського уряду на нове функціонування нашого театру). Крім того, рік 1881, з якого, за Антоновичем, виник побутовий театр, — і неправдивий. Сам Д. Антонович у відділі свіцького театру перераховує не тільки шерех побутових п'єс („Наталка - Полтавка“, „Москаль - Чарівник“, „Простак“, „Сватання на Ганчарівці“, „Назар Стодоля“), які виставлялись на театральному коні за часи того-ж таки свіцького театру, але, крім того, називає його діячами Старицького та Кропивницького, що у „свіцькому“ театрі участі не брали, а були, за словами дослідника, творцями побутового театру. Хибність дати 1881 походить з неясности що до доби театру кріпацького, який не тільки мав ознаки побутового театру, а й існував разом з ним. Доба українського театру перед 1861 р. була часом формації нового театру, який ще не спирався на чинники, що підіпхнули-б його на шлях розвитку та удосконалення, хоч для цього, безумовно, були вже достатні передумови, як от перехід України від 40-х р.р. XIX стол. на шлях капіталізму, розшарування ще формально невільного населення, втрата українським селом деяких етнографічних ознак, то-що. Але процес був такий повільний, що про помітний розквіт нічого було говорити. Тільки від 1861 р., коли опукло виявились перераховані вище чинники, розпочався буйний зріст побутового театру, штучно загальмований на деякий час російським урядом у 1876 р.

Коли розпочинати історію нового українського театраль-ного мистецтва з 1861 р., то цей час для театру покритється діяльністю М. П. Старицького, недовга творча робота якого привела до появи певної театральної естетичної течії. Походження цієї течії, як і поникнення її лежать не стільки в театральній, скільки в соціяльній площині. Справді, коли візьмемо добу театру Старицького (підкреслюємо—час його творчої праці), то побачимо, що вона характеризувалась прищеплюванням мало диференцованій Україні ідей народо-вого ідеалізування, служби масам, селянського боготворення й протесту проти утисків „меншого брата“. Українські на-родовці, об'єднані в гуртки, в шуканні способів пропаганди своїх ідей легальним шляхом, щоб охопити по змозі більшу кількість людей, спинилися на театрі. Так, напр., родилася думка скористати театр для нових ідей в лисавецькій гро-маді¹⁾. Але була й друга група, що захоплювалася думкою відродження українського театру, як одного з чинників культурного взагалі й мистецького зокрема виховання мас. Для цієї групи громадянства театр був скорше за мету. Таке бажання було не нове, його спостерігаємо протягом всієї першої половини XIX ст. Та й пізніш діяльними учасни-ками цієї течії бачимо того-ж таки Старицького, Кропивниць-кого, Лисенка та ин. Підчас шукань ці два напрямки зустрі-лись. І тоді сцена обернулась на „трибуну, з котрої поне-слися заклики до „жаленія мужика“, до боротьби з темря-вою, протесту проти безправ'я, ворожнечі до міста й чужинця-експлоататора, капіталіста й вимоги задоволення національних потреб“.

„Побутовість“ для цього театру було підготовано вже по-передніми „любителями малоросійського драматического искусства“. Поглибили-ж її творці нового театру, оскільки у них народовість (вона ототожнювалася із селом) стояла на першому плані.

Але естетична група не спинилась на простому обмальо-ванні нашого селянина. „Жаление“ нашого мужика (куль-турники-естетики приймали цю точку) набуло специфічної форми: страждання селянина набрали у Старицького того

¹⁾ М. Є. Слабченко. Матеріяли до економічно-соціяльної історії України XIX ст., т. II, ст. 163—164.

змісту, що пізніше Оскар Уальд назвав „красою страждання“. Отож, поклавши в основу сценічної вистави принцип побутовості та сценічності та „маючи вибачливе до мальовничої краси око“, Старицький не жертвував побутові зовнішньою красою. Навіть більше, каже Антонович, він не вагався відступити від реалістичних вимог, аби не зашкодити мальовничості сценічної картини...¹⁾ Через те й зустрічаємо серед співробітників Старицького Лисенка, який своєю „умовно-музикальною формою театрального дійства“ доповнював любов М. П. до „зовнішньої картинності“²⁾. Тому-ж було закликано до театру Старицького в декоратори Сарті, що своїми високо-художнього ухилу в бік естетизму декораціями мірявся з частиною музичною, як-це було, напр., в постановці: „Утоплена“³⁾ або „Майська ніч“⁴⁾. Перераховані моменти й створювали обставу переважного естетизму на кону, хоч він не був теоретично зґрунтованим і не провадився невпинно в театральній політиці Старицького.

Така форма театрального дійства була на перших порах життя побутового театру, коли, за виразом дослідника, „самий український рух, передовсім в ті часи рух чисто культурний, базувався на окремішності культурних потреб етнографічно-української, національно-несвідомої маси. Самий доказ окремішності українського народу між іншими слов'янськими народами, говорить Антонович, зокрема окремішність його від народу московського потребувала доказів, і ці докази свідомі українці шукали в демонстрації етнографічної окремішності українського побуту. Річ зрозуміла, що побутовий український театр, як жива, талановита, мальовнича демонстрація окремішності й культурності української народньої маси, її слова, поезії, музики, танцю, звичаїв, був якраз тим, чого так потребував український національний рух в тогочасній стадії“⁵⁾.

Але, при такому стані, театр не розв'язував покладених на нього політичних завдань у всій повноті. Політичні задачі при пануванні „естетичних начал“ надто вже замаскувались.

1) Д. Антонович. Триста років українського театру. Ст.ст. 152—153.

2) Ibid.

3) „Одесский Листок“ 1885 р., № 3. „Одесские Новости“ 1885 р., № 26.

4) „Одесские Новости“ 1885 р., №№ 25 та 30.

5) Д. Антонович. *Op. cit.*, ст.ст. 155—156.

Політична-ж думка набувала що-раз більшого значіння. Життя вимагало, аби вона добилась домінантної ролі в театрі, а не приховувалась. Загострення цієї точки визначало потребу в переході до реалізму, до винесення життєвої правди в повній наготі. В цей переломний час постать Кропивницького, котрий в театрі Старицького був за режисера, починає заступати постать упертого естетика Старицького. Кропивницький зумів своєчасно облічити потреби суспільства, що не задовольнялось уже з красивих та солодких мелодрам, і, відійшовши від Старицького (не хочемо з'ясовувати розколу трупи М. П. цим), почав писати нову театральну сторінку, на якій позначились реалізм та побутова правда. Цей час, за словами О. Кисіля, й „характеризується пишним розвитком у нашому театрі реалістично-побутового напрямку з нахилом у бік етнографізму“¹⁾. Кропивницький і був його основоположником та керовником протягом дуже довгого часу.

Марко Лукич Кропивницький народився 1841 року 24-го квітня в селі Жеванівці Зинов'ївського (тоді Лисаветградського) повіту на Херсонщині. Батько його — дрібний дідич, чоловік з твердим характером та непохитною волею в боротьбі за краще життя (цю твердість дістав від батька й М. Л.), служив за управителя панськими маєтками, і через те догляду з його боку за малим Марком майже не було. Мати, колись „светская барышня, кокетка, амазонка“²⁾ передала М. Л. любов та здібності до мистецтва взагалі й музики зокрема, яку сама дістала в спадщину від свого батька капельмайстра³⁾. „Светское общество“ дозволяло матері віддавати дуже скупі увагу на виховання сина. З дитячих-же років для Марка Лукича життя проходило зовсім не так

1) О. Кисіль. Український театр, ст. 100.

2) Збірник „За сто літ“ — Автобіографія М. Л. Кропивницького, ст. 190.

3) М. Л. грав на роялі та фісгармонії („Нова Громада“ 1906 р. № 9 ст. 59) і сам був композитором. Крім звичайних музичних номерів, які він писав до п'єс, скомпонував і чисто концертні номери. Йому, між иншим, належить дует на слова Шевченка „За сонцем хмароньки“ (лист до Маркович з 11-XI-1880 р.). Співав. Один з листів М. Л. вказує на те, що він не був чужий й малярству (В листі до О. З. Суслова з 5-X-1904 р. він писав: „Одинок. покинутый сию в хуторе и маляю масляными красками картину „Мобилизация“, собств. сюжет. Не знаю, что выйдет, но пока пишу с увлечением и азартом“).

легко, як це змальовував І. П. Дувин¹⁾. Уже на третьому році Кропивницький лишивсь без матери, яка покинула родину. Цей випадок справив на М. Л. таке вражіння, що вже по сорока з чимсь роках він не міг спокійно про нього говорити. В одному з своїх листів М. Л. писав: „Этот вечер так памятен мне, что я до сих пор обоняю запах акаций и бересты, врывавшийся в открытое окно нашего домика“. ²⁾ Після річного перебування під нелегкою рукою мачухи (його колишньої няньки, яка, за виразом Кропивницького, „нарядившись в павлиньи перья, стала помыкать нами“, Кропивницький попав до єзуїта на виховання й несподівано для себе обернувся в чабана. Злиденне життя та побой за те, що малий хлопець, замість глядіти худобу, десь грався з селянськими дітьми, довели М. Л. до думки про втечу від єзуїта. Під час тіканини М. Л. занедужав на кір, а, одужавши в батька, попав до княгині Кантакузенової, де управителем служив Л. Кропивницький. Там Марка Лукича хтіли зфранцузити й зробити з нього панича. Через сварку, що зчинилась між кн. та старим Кропивницьким, Марка було від Кантакузенів забрано й через короткий час віддано до ген. Бутковського, який обіцяв усиновити М. Л., а кінець-кінцем зробив з нього козачка-льокая. За цим наступило паламарство в одного священика й т. ин.

Різкі пєреміни й полєвірєння призвели до того, що в 13 років М. Л. розумів, що таке злидні та лихо. Їх стільки довелося зазнати Кропивницькому, що багато років опісля він писав з острахом: „Я боюсь нужды, боюсь нищеты, потому что испытал их; и до сих пор мороз по коже подирает, как вспомню“ ³⁾.

1) „Исторический Вестник“ 1915 р. № 11. Стаття „Марк Лукич Кропивницький“, ст. ст. 495—499.

2) „За сто літ“, ст. 191.

3) Лист до Маркович з 12. 1-1881 р. Чи не цим почасті пояснюється ніби надто велика господарність М. Л.? Згадується думка біографа Ф. Шаляпіна, колишнього директора імператорських театрів В. А. Теляковського, який, додаючи таку-ж рису, як і в М. Л., у славетного баса, виправдував її потребою зберігання коштів на старість. Артисти старої імператорської сцени під старість літ жили все-ж таки з казенної пенсії (див. „Театральные мемуары. В. А. Теляковский. Мой сослуживец Шаляпин; ст. ст. 68—76), а український актор, зістарівшись, гинув з голоду.

Майже ціле дитинство довелося перебувати М. Л. або в оточенні великих панів, які здебільшого ставились до нього з зневагою та призи́рством¹⁾, або серед простого закріпаченого люду, що, співчуваючи йому, міг виявити свої симпатії до нього лише ім'ям Марочка. Тільки від кріпаків Кропивницький і зазнав утіхи. І друзів в дитинстві він знаходив собі серед безмірно бідних та нещасливих дітей. Зворушливий своєю простотою та любов'ю випадок оповідає Кропивницький в своїй автобіографії про дівчинку-сирітку Фросю (він її називав „сестрою-жалібницею“), яка терпеливо переносила свої та радо чужі (переважно через Марка) страждання і в цих стражданнях сконала. „Похоронили Фросю, писав він, и с тех пор слово сирота — моя болезнь, моя дума, мои страдания“.

Так зародилась в Кропивницького любов до „простого люду“, найбіднішого селянства, якому він віддав найкращі роки свого свідомого життя, для котрого він пізніш організовував школи²⁾, ставив дитячі вистави³⁾, і відносно якого мав, за власним виразом, „священные обязанности“, про які ближче говорити ніколи не хотів⁴⁾.

Поневіряння дитини привели врешті батька М. Л. до думки забрати Марка від останнього що до часу виховача — попа, якому при від'їзді Марко кинув в обличчя просфору, котрою піп благословив його в присутності батька.

Марка віддали до Бобринецької повітової школи. Школу ту М. Л. закінчив року 1856. Після цього він продовжував свою освіту в Київській 2-ій гімназії, яку по трьох з чимсь роках змушений був залишити перед самим закінченням: його не було припущено до іспитів 7-ої кл., бо він не подав документів, що їх не видавала кн. Кантакузена.

З незакінченою освітою М. Л. міг вступити лише вільним слухачем до Київського університету, на юридичний факуль-

1) Характерний з цього погляду випадок трапився з кн. Кантакузеною, що, побачивши малого Кропивницького, який прийшов прохати у неї повернення відібраної в нього білизни та одягу, зустрінула його словами „гоните его вон“. — „За сто літ“, ст. 195.

2) „Исторический Вестник“ 1910 р. № 6. ст. 974. Лист до Комарова з 2-X-1906 р.

3) Лист до Суслова з 24-1-1880 р. Лист до сина з 28-III-1907 р.

4) Лист до Маркович з 24-X-1880 р.

тет, де пробувши два роки, був звільнений¹⁾. На цьому Кр-кий закінчив свою освіту.

По тому прийшов час служби. Розпочалась вона з вступу за канцеляриста до Бобринецького суду. Далі М. Л. служив в Сирітському домі та міській ратуші. Але протягом дев'ятох років своєї „гражданской служби“ вище за секретаря Бобринецької міської думи Кропивницький піднятись не міг і з відсутности „производства в чины“ робив висновок: „Значит, я попал в список неблагонадежных“²⁾. Праця по „гражданській лінії“ не мала успіху. М. Л. через це часто доводилось сваритись з батьком, який навіть загрожував синові прокляттям. Догоджаючи батькові, М. Л. і служив. Після-ж батькової смерті Кропивницький кинув службу і вийшов на відставку року 1871.

Причина виходу на відставку лежала в великому захопленні М. Л. сценою. Познайомився з нею він в тому-ж таки Бобринці, де купка інтелігенції, що попала до такої глушини, розважалась аматорськими виставами. В них брав участь і Кропивницький. З часом інтерес до театру й знання його настільки вирости, що М. Л. став на чолі Бобринецької аматорської трупи. Драматичне мистецтво, захопивши М. Л. цілком, і привело його до зречення посади та до подорожі з метою дебюту до Одеси. Дебютував він в театрі гр. Маркових та Чернишова в ролі Стецька в п'єсі „Сватання на Гончарівці“ 12 листопада 1871 р. Не зважаючи на постановку п'єси нашвидку, на відсутність акторів, погану зрепетовку, то-що, дебют був для Кропивницького настільки вдатний, що,

¹⁾ В автобіографії М. Л. писав, що був звільнений через відсутність документів, не повернутих і в вищій школі Кантакузеною (Див. „За сто літ“ ст. 196). В спогадах, уміщених в „Новій громаді“ (1906 р. № 9, ст. 48) М. Л. це висвітлював так, ніби він залишив вищу школу з власної охоти. За цим пішов і автор книжки „Корифеи украинской сцены“.

²⁾ Останні слова Кропивницького наводять на думку, що й університет йому довелося залишити не тільки через відсутність паперів. Коли зіставити це з його твердженням про „священные обязанности“, а також з загадковими словами в автобіографії, що „на третий год (рік відстрочки), я по отсутствию документов и по другим причинам (підкреслення мое, Т. С.) не мог уже остаться в университете, мне предложили уехать в родные степи“, то ця думка буде виглядати досить правдоподібно. Зіставлення дат вказує на рік 1863, як час звільнення М. Л. з університету. Чи не був М. Л. замішаний в подіях Київської громади в 1863 р.?

не виходячи з театру, він підписав контракта на 175 карб. на місяць¹⁾. В рецензії про перший виступ М. Л. писалося: „Малороссийский водевиль соч. Квитки „Сватання на Ганчарівці“ в п'ятницю, 12 ноября²⁾), был исполнен труппой театра-цирка довольно занимательно. Дебютант в роли Стецька г. Кропивницький привлек общее внимание своею игрою; при выходе его на сцену хохот публики почти не прерывался; некоторые куплеты заставляли его повторять по два и по три раза; аплодисментам и вызовам не было конца. Г. Кропивницький лет 7 тому назад в качестве любителя в первый раз выступил в Одессе на сцену в малороссийской комедии „Наталка-Полтавка“. Теперь, как говорят, он поступает в качестве присяжного артиста на сцену гр. гр. Марковых и Чернышева. Хорошее приобретение³⁾).

Заангажувавшись на високу місячну платню, М. Л., не маючи певного амплуа, граючи, за власним признанням, „всякие роли“⁴⁾), став справжнім артистом на все життя.

1) „Нова громада“ 1906 р., № 9. ст. ст. 48—49.

2) Кропивницький помилково датує свій дебют 13-им листопадом.

3) „Одесский Вестник“ 1871 р., № 252.

Для повноти слід згадати ще одну думку фейлетоніста „Одесского Вестника“ — Л. Розбираючи в фейлетоні питання про премію Вучини, яку мали давати за драматичні твори, Л. пропонує поширити видачу премії й на українські п'єси, яких у нас бракувало; ті-ж. що були в той час в українському театрі, були лихі неправдоподібністю змальовання нашого села та селянства, яких завжди висміювано. За приклад такої утрировки (не тільки від автора, правда, але й артиста) рецензент взяв „Сватання на Ганчарівці“. де „Г. Кропивницький утрирует Стецька до такой степени, что окончательно превращает в клоуна или паяца“ (Ibid., № 261).

До цієї останньої оцінки слід поставитись дуже обережно. Справа не тільки в тому, що автор статті був надто патріотично настроєний по українськи і до кожного комічного штриха ставився з підозрінням, але взагалі тяжко припустити з боку М. Л. таку „вольність“, або незрозуміння постати Стецька. Для останнього він був рідким інтерпретатором і відчував найтонші й непомітні нюанси в характерах окремих осіб. Коли до М. Л. дійшли чутки про те, що його учень О. З. Суслів з Муся з „Пісень в лицах“ робить якогось недоріку, то М. Л. негайно надіслав до нього листа, де, „розкриваючи“ цю роль, писав: „Муся в глупом положенні, но сам не глуп, а лишь самообольщен — это следует, друг мой, отгнать. Хотя самообольщение близко к глупости, но глупость глупостью, а самообольщение самообольщением“ (лист до Сусліва 5-Х-1904).

4) Лист Кропивницького до „Од. Вестника“, надрукований в № 225 за 1871 р.

Розпочавши свою сценічну роботу в театрі Чернишових, він через деякий час перейшов до антрепренера Милославського. Останній, ганяючись за зборами, був не від того, щоб вживати способів, які нині зветься халтурою. Кропивницький не міг помиритись з цим і по двох роках кинув М-го. Зустрічаємо його далі в Харкові, у трупі Александрова. Бажання якомога скоріше вийти на широкий шлях підбиває М. Л. на поїздку до Петербургу (літо 1874 р.). Але тяга до рідної сцени знову його приводить на Україну Велику та Галицьку. Обмеженість українського репертуару, нечисленність акторів, брак коштів і т. ін. не сприяли тому, щоб М. Л. осів в якомусь одному місті. Отож, аж до заборони українських вистав 1876 р., він грає: зимовий сезон 1874—1875 р.р. в Херсоні, улітку 1875 р. перенісся до Галичини й Буковини, де відвідав Тарнопіль, Чернівці та ін. міста, на зимовий сезон 1875—76 р.р. повертає до Лисавету, літом 1876 р. грає в трупі Ізотова в Катеринославі¹⁾. Закон 1876 р. припинив мандрівки. Кропивницькому довелося йти на російську сцену та навіть в оперетку. М. Л. в сезоні 1876—77 р.р. грав в Криму, в Симферопільській оперетці Л. Яковлева²⁾, як актор, і потім, як режисер, і т. ін.³⁾. Виступав він з великим поспіхом, проте, не зважаючи на популярність серед кримців, що його називали Карапіницьким, М. Л. кидає оперетку й повертає до Лисавету. В Лисаветі М. Л. до кінця 1880 р. грав в російській драматичній трупі в антрепренера Виходцева, дістаючи по 200 крб. на місяць, маючи 2 півбенефіси на сезон і виступаючи 4 рази на тиждень⁴⁾. В той-же час М. Л. рвався на укр. сцену й проектував

1) „Нова Громада“ 1906 р. № 9, ст. 52.

2) Цікавий репертуар цієї опереточної трупи, де довелося М. Л. виступати в таких п'єсах: „Птички“, „Зелений острів“, „Острів Троминатона“, „Юпитер“, „Калхас“, „Гаспар“, „Синяя борода“ та ін. (Див. „Нова Громада“ 1906 р. № 9, ст. 61).

3) Руський репертуар М. Л. Кр—кого: Горе от ума, Ревизор, Хижина дяди Тома, Русалка, Бракорозводный процесс, Уголино, Светит да не греет Мазела, Ограбленная почта, Русская свадьба, Сестра Тереза, Княжна Говард, Железная маска, Женитьба, Дело Плянова, Не по хорошу мил, Болезнь века, Гамлет і ін. (Лист до Маркович 31-X, 6-XI, 28-XII, 1880).

4) Лист до Маркович 31-X-1880.

скласти укр. трупу з 30 чоловіків і 12 жінок, нехай й любителів, але організованих в тверде товариство. В такому товаристві Кропивницький брав на себе розподіл ролей, вияснення типів й характеру ролей, вказівки на потрібні деталі й mise-en-scène'i й переведення генеральних репетицій. Справа стояла так добре, що Кр—кий ладен був зламати умови з Виходцевим, хоч не хтів остаточно кидати Лисавет та до Полтави переїздити на рік („любители малорос. театра“, від ім'я яких вела з М. Л. пересправи А. В. Маркович, закликали його на рік) не відважувався. Кр—го спиняла, здається, більш непевність, що „любители“ не серйозно ставляться до діла. „Я привик играть, а не баловаться, те-же спектакли, в которых я участвовал в Полтаве, были для большинства баловством“¹⁾. Проте, Лисавет ставав все тіснішим. В листопаді 1880 року М. Л. поклав їхати до Одеси, Харкова, Кременчука на гастролі, збирався зазирнути й до Полтави. Але ще до квітня 1881 р. бачимо його в Лисаветі, хоч знаємо й про подорож до Полтави. В р. 1881 Кропивницький вже виступає в трупі Ашкаренка в Кременчузі, як режисер. Тут разом з Ашкаренком він і посилає до гр. Лоріс-Мелікова знамениту телеграму про дозвіл на укр. спектаклі й дістає його²⁾. Але Ашкаренка скоро покинуто, і тоді М. Л. склав нову трупу й поїхав по головних містах України. Мандрівки трупи М. Л. були справжнім тріумфом українського реалістичного театру. Кожна вистава супроводилась оваціями, піднесеннями, адресами, квітами й безмежним захватом глядачів. Якщо можна так висловитись, по-божність—то головна риса в ставленні глядачів до Марка Лукича. Підчас, напр., останньої вистави зимового 1882 р. сезону в Полтаві, Кропивницькому було піднесено писану золотими літерами адресу, яка починалась з такого звертання до України:

1) Лист до Маркович від 6-XII-880 р.

2) В листі до М. Л. Ашкаренко робив кілька зауважень до споминів Садовського, а саме, що ініціатива послання телеграми належить йому, Ашкаренкові, й М. К—кому, і що порад на посилення телеграми вони не мали не від кого; що телеграму було складено за звичайним казенним шаблоном і що Ашкаренко належав не до дворянства, а був міщанином. (Лист до Суслова 24-V-1908).

Не тужи ще. Україно,
Єсть і в тебе діти,
Що уміють так, як треба,
Матінку любити...

І далі говорилося в адресі:

...Не вбивайся-ж, наша ненько,
Ти не сиротина;
Ти придбала, породила
Сокола не сина...

Значіння театраль-артистичної діяльності М. Л. окреслювалось словами:

Він на крилах соколиних
До хмарок літає,
І з-під хмарок на неправди
Голосно гукає.
Де побачить лиходія —
„Паука“ людського,
Тай гуконе, скільки може,
Із гори на нього.
Щоб не мучив свого брата,
Не кусав зубами:
Бо навіки проклянесться
Рідними братами...¹⁾

2429319
„Не в адресе собственно дело, говорил Кропивницький, а в том знаменательном факте, что это сделали воспитанники закрытого заведения — семинаристы“²⁾. Зіставлення адреси з коментарем до неї виявляє те практичне значіння нашого театру, яке добачав в ньому Марко Лукич. Виявити розшарування суспільства і разом з цим будити в ньому думку протесту, революціонізувати громадянина театральним шляхом, захопити для тримання під своїм впливом відстале з соціального та зрусифіковане з національного погляду громадянство—ось це стимулювало Кропивницького до неупинної праці. „Все и вся, писав він, подталкивает меня работать. Надо работать, ох, как надо“. Таким чином театр Кропивницького був рупором найпередовішої та поступової, а частково, навіть і революційної частини українського суспільства— „українофільської партії“, про яку, безумовно, мав рацію говорити уряд, як про групу, що „издавна избрала сцену

¹⁾ Лист до Маркович з 19-XI-1882 р.

²⁾ Ibid.

своим орудием для пропаганды свого учения“¹⁾. Мамонтів недооцінює саме цього моменту в театрі Кропивницького. „Як на наш погляд, каже він, то це був досить наївний театр: театр любовних розмов, романтичних пригод та типових українських краєвидів, що були чудовим фоном для барвистих убрань, пісень і танців. Лише коли-не-коли, по-між діалогом, хором та гопаком лунав соціальний мотив“²⁾. Разом з цим твердженням автор „Театральних роздоріжж“ переносить питання до іншої площі, спиняється на ньому з погляду репертуарного. Але не можна і в цьому погодитись з Мамонтовим. Кропивницький сам не мало віддавав уваги виробці репертуару з соціальним змістом. Досить згадати для цього п'єсу „Глитай або-ж павук“, чи „Олеся“ і т. д. Нарешті, суспільство цікавилось театром Кропивницького в однаковій мірі як значним сценічною культурою, так і сильним трактованими питаннями, про що свідчить та-ж таки адреса полтавських семинаристів, у котрих, як і у Кропивницького було улюбленою темою „разоблачение кулачества и мироедства, свившего себе прочное гнездо в нашей деревне“³⁾. Інша справа, що не завжди в театрі Кропивницького добавчалося консеквентности, хоч він і воював з quasi-побутовими п'єсами. В листі до свого сина він писав: „Що то за народ, котрий вимага постанову: „Кладу“, або „Штукаревича“. Це честь голові (їхнього аматорського драматичного гуртка), що обурився проти цієї гидоти“⁴⁾. „Надо забросить репертуар такой, как „Жидівка Вихрестка“, обурювався він другим разом: „что она может давать сборы, так это самообман — два сбора сделает и только; лучше же поработать над „Суэтой“ над „Олексієм Поповичем“, „Гандзей“ й т. п. і в кінці листа знову: „Жидівки“ не став, ради Бога, не став, там Степан не чоловік, а простий розбійник, будь вона проклята“...⁵⁾

1) М. Є. Слабченко. Ор. cit. т. II ст. 164.

2) Я. Мамонтов. На театральних роздоріжжях, ст.ст. 26—27.

3) Корифеи украинской сцены, ст. 45.

4) Лист до сина 20-II-1907 р.

5) Лист до сина з 29-I-1905 р. Цікаві вказівки на репертуар театру Кропивницького знаходимо в матеріалах, що стосуються до його власної театральної бібліотеки, де бачимо такі п'єси: „Гаркуша“, „Назар Стодоля“, „Дай серцю волю“, „Невольник“, „За Немань іду“, „Ганнуся“, „Послідній кошовий запорожський“, про як. М. Л. писав „тоже плохая пьеса“, „Ятрівка“

Час, що минув від початку нового реалістичного театру до половини 90-х р.р. XIX стол., був часом розквіту творчих сил Марка Лукича. На деякий час К—кий вступив у трупу многозаслуженого в літописах укр. театру М. П. Старицького, потім організував власну, безсмертну трупу, до якої ввійшли майбутні корифеї української сцени: геніяльний актор П. Саксаганський, високоталановитий М. Садовський, І. Карпенко-Карий, М. Заньковецька й довгий шерег інших видатних акторів. З ними М. Л. робив свою знамениту подорож до Петербургу, де новий укр. театр дістав загальне визнання і де в чому, як бачимо із спогадів М. Садовського, став навіть учителем російського кону. Трупа М. Л. Кропивницького зазнала надзвичайної популярності по всій Росії. Ім'я М. Л. Кропивницького було відоме в найглухіших закутках України. До нашого часу постановки М. Л. визнаються за незрівняні, а для актора нема вищої хвали, як дорівняти його учасникам трупи Кропивницького.

Від половини 90-х р.р. М. Л. почав відходити від систематичної роботи в театрі. Він добачив, що в житті появилися нові вимоги, народилися нові рухові сили, яких раніш не помічали. Чулий до життя й його потреб, М. Л. зрозумів (і в цьому велич його), що укр. театрові слід ставати на новий шлях. В чому полягала новина, Кр—кий не уловлював. Отже, видимо, не бажаючи „устаритись“, пережити самого себе, він потроху переходить на систему гастролів, на яких від 900-х років остаточно спинається.

Життя своє він почав ділити між виїздами на гастролі в міста України й Росії і господарюванням в придбаному хуторі Затишку під Харковом.

Господарству М. Л. віддавався з захватом. В листах до сина він старанно описує свій овочевий сад і виноградник,

(„Я думаю тепер над Ятрівкою, писав він у 80-му році, пьеса очень сухая, не сценичная“). „Був кінь та з'їздився“ і т. ин. — Лист до Маркович з 11-XI-1880 р. На репертуар вказує лист Кропивницького до Сулова з 30-III-1889 р., де знаходимо, крім названих уже п'єс, такі: „Наталка-Полтавка“, „Сватання на Ганчарівці“, „Шельменко-деньщик“, „Чорноморці“, „За двома зайцями“, „Запорожець за Дунаєм“, „Глитай“, „Вуси“, „Доки сонце зійде“, „Пошилися у дурні“, „По ревізії“, „Кум мірошник“, „Бувальщина“, „Як ковбаса та чарка“. Вкраплено замітки про репертуар і в ин. листах, як, напр., до сина (з 21-II-1907 р.), де рекомендувалося ставити „Скрутну добу“, то-що.

для котрого купував лози безпосередньо з Франції¹⁾. Клопочеться про купівлю землі під садибу²⁾, захоплюється рільництвом³⁾, виводить цегельний завод для потреб свого хутора⁴⁾. „Доки я морочився з своїм хутором... доти я завжди почував себе в грошових утисках. Тепер же... мене будучина не страшить“, признававсь Кр—кий. Говорив він в даному разі не тільки про себе, але й про свою родину, яку ніжно любив і для якої без відпочинку працював.

Господарство не поглинало всього М. Л. цілком. Маючи право на відпочинок, він в своїому будинкові влаштував сцену і провадив там вистави, про що до сина писав: „Я в старому домі зробив собі сцену, намалював декорації, завісу“...⁵⁾. Й до Сулова про це-ж: „Я собі зібрав трупу з крест'янських дітей (це була перша дитяча трупа), і виставляю по селах „Козу-Дерезу“, „Івана-Телешка“ й „По щучому велінню“⁶⁾. Не міг Кропивницький відмовлятись й від подорожів до різних труп, що закликали його до себе. І хоч через стан здоров'я йому часами доводилось зрідкати подорожів („Мав ангажемент в Кременчук на 4 спектакля по 100 карб. — отказался, писав він до сина. Кликали в Елисавет на 5-ть — отказался, в Суми, Ахтирку — отказался. Тільки 12 апреля беру участь в Харкові в благодворит. концерті і—знов в хутір“⁷⁾). Кволе здоров'я не дозволяло віддаватись роботі, як давніш. Коли в 1909 р. М. Л. виступав в Петербурзі, то після 4-х вистав змушений був припинити гастролі. І все-ж, не звертаючи уваги на слова лікаря „укатали сивку крутые горки“, Кропивницький проїздом в Москві не утримався від виступів на сцені. „Заграв в Москві „Назара Стодолю“ і читав в концертнім відділі, писав він про це до сина: це мене так розтривожило, що появилось кровохаркання. Вийхав з Москви і, не дожджаючи до Харкова, знов полило. У Харкові теж. Побув сутки у Мару-

1) Лист з 5-V-1907 р.

2) Лист з 20-XII-1907 р.

3) Лист з 21-IV-1908 р.

4) Лист з 31-III-1909 р.

5) Лист з 23-III-1907 р.

6) Лист до Сулова з 24-I-1908 р.

7) Лист до сина з 31-III-1909 р.

сі, виїхав від неї, але не доїхав до вокзалу і вернувся, бо знову кров хлинула. Нарешті проїхав в хутір, послав за доктором і чотири дні лила кров; ослабів так, що звалився з ніг. Але через скільки днів знову воскрес¹⁾. І — знову став до роботи. Не лякали його попередження лікарів, що казали кинуть сцену „бо можу на сцені вмерти“. В 1910 р. Кропивницький приїхав до Одеси, де колись розпочинав свою кар'єру. Після двічі відкладеної через нездужання вистави 8-го Квітня М. Л. змушений був виїхати, а другого дня, 9-го квітня, до Одеси надійшла телеграма: „Станція Підгорна. 9. В поїзді нагло помер у вагоні М. Кропивницький. Тіло небіжчика на станції „Подгорная, Южн. ж. дорог“. Помер „патриарх української сцени“²⁾. На труну його було покладено тернового вінка з написом „Борцю за мрії.“ І правдиво висловились одеська театральна критика, що викохала Марка Лукича, коли писала в №, присвяченому смерті його: „Кропивницький с полным правом мог сказать: украинский театр — это я“.

Отже, який був театральний образ того, чийм ім'ям названо наш старий реальний театр? Які йому ставив Кропивницький вимоги?

М. Л. твердив, що на сцену може піти лише той, хто ради театру зречеться абсолютно всього, хто віддасть собі звіт в тому, що театральний кін — це його бог³⁾. Підносити драматичне мистецтво до божества треба було М. Л. не тільки тому, що цього вимагала незвичайна любов до сцени⁴⁾, але також і через умови, які легко приводили театр під безконечні удари з боку всякої адміністрації. Тому Кропивницький і казав, що людина, яка йде на сцену, тим самим рокує себе на несіння тяжкого хреста⁵⁾. Це не означає, що кожний, хто приніс-би таку саможертву, став-би потрібним актором. „Театр, каже Кропивницький, держався

1) Лист до сина з 31-III-1909 р.

2) „Нива“ 1910 р. № 19.

3) Лист до внучки з 5-XII-1906 р.

4) Сам Кропивницький в листі до Марковича з 12-II-1900 р. писав про себе „Вірте, що й я міг-би бути й судовим слідчим і товаришем прокурора й суддею, коли-б не любив більш рідний театр, ніж мундир“.

5) Лист до Маркович з 22-XII-1880 р.

завжди на талантах“¹⁾ Отже саможертва мусить виходити від талановитої в драматичному ділі людини.

Виникає питання: в чому-ж, на думку М. Л., полягала талановитість? Певної, ясної відповіді Кропивницький не дає. З розкиданих в різних листах вказівок можна однак виловити елементи цього складного поняття. В листі до внучки він писав: йди на українську сцену, це твій біг і це твій шлях широкий. Маєш ти голос, маєш іскру божу, маєш тям, знаєш мову, не дурною вродилася і не занедбала розума, а підтримала його освітою і маєш не погану мордочку й це дуже важно; хоча фарби роблять з мордяки мордочку, але краще, як ті фарби дасть природа людині. Я, певно, писав Кості про роль в „Кононі Блєскавиченкові“. Правда, що ту роль треба виконати не кожній актрисі, а тій, котра мізкує й осягає розумом більш, ніж та, котрій увесь світ міститься у вікні“²⁾. В цьому довгому уривкові бачимо потрібні акторові зовнішні дані, але двічі підкреслено „тям“ та „мізкування розумом“. Раніше, ніж грати, доводиться виявити свою здатність до „мізкування“. Підчас проробки ролі актор зустрічається, напр., з авторовими розділовими знаками, що для артиста зовсім не є обов'язкові. Актор мусить вміти їх сам переставити, коли вони не відповідають тому почуттю, що виникає у нього при проробці ролі. „Делайте там растяжки, где найдете удобным, вчив Кропивницький, и боже сохрани в этих случаях придерживать авторских ремарок. Известно, что у одного выходит хорошо, другому может не удастся, и потому призывайте в суфлеры чувство“³⁾. Почуття завжди й мусить бути компасом, за яким має йти артист для корекції своєї ролі в цілому. Коли загалом правильно буде збагнуто грану постать, буде правильне тлумачення та уява загального обрису, то деталі вийдуть самі собою. Не дарма-ж казав М. Л., що коли правильно провести роль Галі з „Назара Стодолі“, то „обморок уж выйдет сам собою“. Отже, емоція є ґрунт гри для артиста. Без неї жодна роль не

1) Лист до сина з 31-III-1909 р.

2) Лист до внучки з 5-XII-1906 р.

3) Лист до Маркович з 4-XII-1880 р.

буде виконана вдатно. Потрібне сильне чуття й власні переживання, щоб можна було відійти від самого себе та наблизитись цілою істотою до виконуваної ролі. „Вам не удалась роль, писав про це Кропивницький до Маркович, не потому, что вы не знали роли, а потому, что вы ни на миг не могли сосредоточиться, забытья, увлечься, отрешиться от самой себя“¹⁾. Але „увлечение“ не мусить йти коштом перебільшення показуваних на сцені життєвих моментів. Треба пильно за цим стежити, бо воно порушить правило, якому завжди усіх учив М. Л., а саме: „никогда не старайтесь подделываться под вкус публики, а добивайтесь естественности и правды“²⁾. Перебільшення-ж порушить правдиву норму, а разом з цим і правило Кропивницького. Щоб знати, як визначати дозу цієї правди, треба було, на думку М. Л. (про це не має прямих вказівок), володіти чуттям міри, при якому давати мінімум потрібного, але давати його так, щоб мінімальність дози не було видно глядачеві³⁾. Таке тлумачення здибаємо у Кропивницького при з'ясованні сліз на сцені. В листі до сина з приводу цього він писав: „Что касается плача в роли, то это вещь опасная и иногда может вызвать смех. Надо плакать немножко, а показывать множко“⁴⁾ (підкреслення М. Л. Кроп. Т. С.) При такій проробці, коли центр ваги лежить не в технічній площі, а в площі чуття, у власному переживанні, публіка перебуватиме саме під таким впливом артиста, сама „переживатиме“ і мінімальність дози не помітить. Тому не варт давати й максимуму, при якому легко перейти межі правдивости. Вимоги переживання ролі, користання чуттям правди, спрагнення до життєвої правди, ті, що ставив Кропивницький і своїм учням⁵⁾ і самому собі. Коли підчас його наїздів до Одеси місцева преса писала, що він „буквально пришел, показал себя и победил; победил всех без различия национальностей, степени развития, возраста“⁶⁾... , коли Суворін казав, що Кропивницький „такой актер, подобного которому нет ни на одной русской

1) Лист до неї-ж з (22-23) XI-1880 р.

2) До неї-ж з 6-XI-1880 р.

3) Чи не був це один з засобів ошадности „нутра“?

4) Лист до сина з 29-I-1905 р.

5) Антонович нараховує три випуски учнів Кропивницького. Оп. cit. ст. 142.

6) „Одесский листок“ 1884 р. № 282.

сцене“¹⁾, а автор статті „Малорусский театр“ — Трембач виголошував йому славу²⁾, то розгадка, здається, найбільш лежала в надзвичайній мірі, завдяки котрій М. Л. завжди прекрасно викривав, показував і переконував глядача в правдивості створеного сценичного образу. Ще Олена Пчілка писала, що найбільше вражає в таланті Кропивницького й найбільш характерне для нього „правда, сама правда і міра“³⁾. Він володів рідким серед акторів умінням „скромно держатися на втором плане, которое не мешает всегда быть на первом“⁴⁾.

Прагнення правдивості Кропивницького не приводило до протоколізму. У М. Л. завжди була правда художня, поетична, що прекрасно сформулював Суворін в таких словах: Кропивницький показував не одну реальну правду, а й поетичну, що є художньою міркою для правди реальної. Відси ясно, що про протоколізм в театрі М. Л. не могло бути мови. Не могло в Кропивницького, значить, появитись і трафаретности, чи якоїсь нарочитости та умовности. Власне через останнє М. Л. і не довго працював на галицькій сцені, де від нього, художнього реаліста, вимагалось дотримування прийомів класичної школи. Трафарет не дозволяв розгорнутись в артистові виключній емоції, він вбивав і чуття міри, яким була „полна его игра“, як писало „Новое Время“⁵⁾, й ту життьову правдивість, без якої Кропивницький на сцені був немислимий. Наскільки правдиві образи витворював Кропивницький, видно з випадку, що його записав Уманов-Каплуновський. Довелося М. Л. в одному з південних міст виконувати роль „паука“. Правдивість в змальованню була така, що публіка „с негодованием начала кричать: „Держите, бейте его“⁶⁾. Випадок носить на собі осугу анекдотичности; а проте, одна поява його свідчить про силу гри Кропивницького. А ось другий факт, описаний Суворіним. В п'єсі „Ро-

1) Суворин. Хохлы и хохлушки, ст. 51.

2) „Одесский Вестник“ 1885 р. № 32.

3) Літерат.-Наук. Вістник. 1910 р. кн. VI ст. 466.

4) „Одесский Вестник“ 1885 р. № 32.

5) 1904 р. № 10073.

6) „Исторический Вестник“ 1906 р. № 5, ст. 527. Варіант цього оповідання знаходимо в одеських газетах, присвячених дню смерті Кропивницького.

зумний та дурень“ Кропивницький грав ролью старого батька. „Такого старика, писав Суворін, я ніколи не видал на сцені, но в житті зустрічав таких людей“¹⁾. Емоціональний запас у Кропивницького був такий великий, що в нього ніколи не було повторного образу. „Мы положительно преклоняемся пред способностью г. Кропивницкого схватывать типы, писала преса, это какой-то оборотень!“²⁾. Широта власного таланту Кропивницького дозволяла йому виступати в двох ролях в тій самій п'єсі. Так було, напр., в „Доки сонце зійде“, де М. Л. виконував роль старого кріпака Хвортуна, а через кілька хвилин виступив в ролі пана Воронова і в обох ролях був невпізнаний і т. ин.

Для різних драматичних досягнень в грі у Кропивницького був шерег засобів, з яких він користався, виконуючи ролі. До одного з перших залічимо його спостережливість, завдяки якій, зустрічаючи в житті певний тип, він відновлював його підчас гри, передавав найхарактерніші риси, які в грі синтезував, перевтілюючись. Коли це було тяжко зробити за допомогою звичайних способів, Кропивницький вживав побічних, і цим полекшував розкриття та передачу типу. Так було, напр., в п'єсі „Ой не ходи, Грицю“, де він, щоб вдати з себе якусь горбату, низькорослу потвору... підв'язував собі ноги мотузками і так проплазував на сцені цілих п'ять дій“...³⁾. Граючи старого в п'єсі „Розумний та дурень“, він „говорил скороговоркою, как будто ничего не соображая, как будто у него что на уме, то на языке, и говорил голосом, в котором слышалась грубоватая сердечность“⁴⁾. У кожному з таких випадків Кропивницький прагнув цілковитої простоти, чим ще більш надавав граному образу правдивости. Було видно живу людину, а не актора. Приблизно так говорив і рецензент про виступ його в „Олесі“: „М. Л. Кропивницький играл с благороднейшей простотой, с комизмом естественным, не знающим подчеркивания, свободным“⁵⁾.

1) А. Суворин. Ор. cit. ст. 50.

2) „Одесский Вестник“ 1884 р. № 39.

3) „Україна“ 1907 р. кн. 10, стаття Старицької-Черняхівської— „Двадцять п'ять років українського театру“, ст. 52.

4) Суворин. Ор. cit. ст. 50.

5) „Новое Время“ 1904 р. № 10073.

Великим майстром був Кропивницький і на заповнення павз. Здається, класичним зразком цього є гра в „Підгорянах“, де з приводу його надзвичайної мовчанки рецензент писав: „Надо было видеть, как он молчал (підкреслення рецензента — Т. С.) в то время, когда сумасшедшая дочь его не узнает вернувшегося из тюрьмы жениха. Так молчат умеют только первоклассные артисты“¹⁾. Велика розважність кожного кроку Кропивницького-артиста звязувалась з великою витриманістю, виявленою не один раз. Особливо вдатно та рельєфно це відбувалось в „Бувальщині“ (Кропивницький дяк). „Придать дяку никогда не покидающую его улыбку, полную благодущия, мог так (підкреслення рецензента. Т.С.) только Кропивницкий“²⁾.

У кожного артиста є безліч номерів гри голосом, були вони й у М. Л. Кропивницького. Він мав прекрасний соковитий голос з віртуозними інтонаціями³⁾ до самої старости. Навіть під кінець його артистичної діяльності преса констатувала, що „о дряхлости не может быть и речи“⁴⁾. Голос в М. Л. був „послушный“ і тому він „распоряжается им, как ему заблагоразсудится“⁵⁾. Слово в устах М. Л. йшло не тільки в супроводі інтонації, але й руху, жести та міміки; воно давало цілу біографію граної особи. Через те воно оцінювалось, як „стихия, где сила и власть его, можно сказать, всепредельны“⁶⁾. Кропивницький був не від того, щоб дати „отсебятину“. В „Запорожці за Дунаєм“, напр., граючи Карся, він для більшої комічної рельєфности, вставляв ряд зайвих проти лібретто речень, чим досягав відповідного ефекту.

В декламації М. Л. дотримувався звичайної своєї простоти й правдивости. Олена Пчілка з приводу цього писала: „се було виконання надзвичайно просте, без жодної афектації, але яке щире виконання, як повне глибокої думки і чуття“⁷⁾. Яка була в Кропивницького гра, каже вона далі, така і декла-

1) „Одесский Вестник“ 1891 р. № 282.

2) Ibid. 1884 р. № 14.

3) „Исторический Вестник“ 1905 р. № 5, ст. 527.

4) „Одесский Листок“ 1910 р. № 72.

5) Ibid. 1884 р. № 273.

Ibid. 1910 р. № 71.

7) Літ.-Наук. Вістник 1910 р. кн. VI, 467.

мація. Рима не відіграла в декламації М. Л. великої ролі. В віршу Кропивницький шукав тільки змісту, що був захований у віршовану форму; вірш ламався при читанні, й тому складалось вражіння не декламації, а гри. М. Л. так вчив сина читати вірша: „Читай тільки серцем і душею, а не одними губами, не зупиняйся на рядках і римах, а зупиняйся на змісту“¹⁾.

Сукупністю різних засобів, відтіняючи кожний момент в грі, вимовляючи з чудовою експресією, Кропивницький примушував глядача переживати разом з ним п'єсу. Мета досягалась. В чому-ж і полягає театральне мистецтво, як не в „сценичному втіленні поетичних образів при допомозі технічного взаємовідношення акторів та глядачів?“²⁾.

Для остаточного закріплення типу, який доводилось виявляти Кропивницькому, він вживав грім, чим зафіксував, так-би мовити, постійні та незмінні характерні риси своїх героїв. Гримувався Кропивницький з великим вмінням і вживав для цього широких репінських мазків³⁾, так що майже не можна було пізнати в його постаті того самого актора. „Где нужно артисту, писали про це, уловить тип, а соответственно тому загримироваться, там Кропивницкий незаменим. Так и кажется, что он целиком выхватывает людей из массы подобных же и переносит на сцену. Стецько, Глитай, Шпонька, Сірко, Медовий... все это новые и новые типы.“⁴⁾. Що було характерним в техніці гримування в Кропивницького — це швидкість самого процесу, що ніколи не ущерблював чистоти та правильности. Про цю швидкість говорить сам Кропивницький в листі до Маркович. „Я пел попури из 6 песен: 2-х малорос., 1 дяковской, 1-ой немецкой, 1-ой русской и куплетов русских. Переодевался и перегримировывался так быстро, что публика поражалась“⁵⁾.

Кропивницький не знав превалювання над іншими одного якогось способу. Усі його артистичні засоби гри були в нього завжди щільно пов'язані один з одним і приведені до рівноваги й гармонійности. Рівноваги він досягав не тільки удо-

1) Лист до сина з 20-II-1907 р.

2) А. Кизеветтер. Театр, ст. 35.

3) „Исторический Вестник“ 1906 р. № 5, ст.ст. 527, 528.

4) „Одесский Вестник“ 1884 р. № 13.

5) Лист до Маркович з 4-XII-1880 р.

сконаленням різних зовнішніх способів і засобів, але й тлумаченням ролів, яким підпорядковував зовнішні засоби. Тонкість аналізу ролі й тлумачення її у Кропивницького були на рідкість дивні. Граючи головну роль у п'єсі „Глитаї, або-ж павук“, М. Л. з відсутності любовного темпераменту Бычка виводив зневагу й огидливість до нього героїні п'єси. „Одесский Листок“ писав про це: „артист, между прочим, очень тонко подчеркивает на ряду с любовными вожделениями Бычка, отсутствие в нем любовного темперамента. Эта подробность, интересная сама по себе, вполне объясняет то чувство гадливости, какое возбуждают в героине пьесы любовные излияния бесстрастного Дон-Жуана, и в надлежащей степени усиливает впечатление от страданий героини, как известно, доводящих до сумасшествия“¹⁾. Про тонкість тлумачення Кропивницьким ролі Шпоньки („Як ковбаса та чарка“) в газеті писали: „с своей дворянской злобой на соседа врага, с своей трогательной привязанностью к неизменной подруге жизни — чарке, с своим гамлетовским монологом „пить или не пить“ Кропивницкий был необыкновенно хорош. Мимика лица, жестикуляция, звуки голоса, все это было приведено в полную гармонию с содержанием речи: ни одного фальшивого звука, неловкого жеста“²⁾. Так само висловлювався й Суворін з приводу „Наталки-Полтавки“, де обдарованість Кропивницького „бьет... во всей фигуре, во всех движениях, в интонациях голоса, в той гармонии, которая прямо говорит, что тут задуман и исполнен тип в возможном совершенстве“³⁾. В тому-ж таки „Глитаєві“ Кропивницький „ничего не упустил из виду,—писав рецензент.—Каждый жест его, каждый звук голоса были направлены к тому, чтобы оставить в зрителе целостное впечатление, чтобы обрисовать перед ним всесторонне тип деревенского кулака. И действительно, тот, кто видел г. Кропивницкого в этой роли, в праве сказать, что он видел настоящего мироеда“⁴⁾. Велика вдумливість М. Л., за допомогою якої він завжди легко знаходив потрібну дозу гостроти, усували небезпеку впадання в шарж. Навіть про роль Стецька („Сватання на Ганчарівці“) доводилось писати:

1) „Одесский Листок“ 1910 р. № 74.

2) Ibid. 1884 р. № 276.

3) А. Суворин. *Op. cit.*, ст. 2—3.

4) „Одесский Листок“ 1884 р. № 273.

„Зритель ни разу не подметил ничего преувеличенного. Стецько — живой, вылитый, ни одним жестом, ни одним звуком не намекающий на то, что он — карикатура“ ¹⁾. Уміння знаходити потрібну дозу гостроти допомагало Кропивницькому не спинятись на одному амплуа. Драматичний діапазон його був величезний. Від резонера, якому жага та сильний рух ніби не доступний, М. Л. переходив до комічних ролів й т. д. „Он поражает вас в драме и комедии и восхищает в оперетте. Не часто встречающаяся разносторонность! Безукоризненная декламация, поразительно верное понимание роли, правдивость в передаче всех внешних и внутренних движений, полная правды и жизни игра и... это самое важное: глубокое понимание типа, реализуемое способностью его воспроизведения“ ²⁾. І що найважливіше — при безлічі граней ролів різної ваги й значіння Кропивницький ніколи не повторився. „На изображаемых им персонажах, писал критик, никогда не заметно однообразного, серого отпечатка обыденности. Для каждой роли М. Л. с замечательным тактом и умом подбирает множество мелких характерных, чисто индивидуальных черточек, и пред зрителем явятся в передаче М. Л. не заурядные посредственности, а сильные представители своего рода, типы в истинном смысле этого слова“ ³⁾. Останнє й дало право петербурзькій пресі твердити, що Кропивницький належав до тих велетнів сцени, про яких можна сказати, що вони „играли страшно много, получали страшно мало, но переживали сами и заставляли переживать других незабвенные минуты“ ⁴⁾.

Протягом майже сорокарічної праці Кропивницький виявив себе не тільки як вчитель та артист, але й як режисер, з чим довелося зустрінутись йому на самому початку своєї мистецької праці, в оперетці в Криму. Про Кропивницького режисера пише Саксаганський в своїй статті „Як я працюю над ролею“. Режисура М. Л., за словами Саксаганського, сходила ось до чого: „Роздавали ролі, сідали на кону за стіл, читали п'єсу, поправляли ролі. Потім через день-два починалися проби. П'єси, здебільшого, були не складні,

¹⁾ „Одесские Новости“ 1894 р. № 10.

²⁾ „Одесский Листок“ 1884 р. № 39.

³⁾ „Одесский Листок“ 1910 р. № 71.

⁴⁾ „Новое Время“ 1904 р. № 10073.

mise en scène'и трафаретні, та на них й не звертали особливої уваги. Марко Лукич, як режисер, ніколи нічого не показував... Коли-ж спитаєш Марка Лукича, де краще стати, то або мовчить, або скаже: „ставай, де тобі краще“ і mise en scène'и кожен виробляв сам.“¹⁾ Такий підхід М. Л. видимо припускав тільки що до видатних акторів. За спогадами учня Кропивницького, відомого артиста О. З. Суслова, М. Л. змальовується за морочливою, невтомною працею над актором. За це-ж говорять і листовні матеріали. Коли-б і їх відкинути, то чим-же з'ясувати, що вибагливі критики режисуру Кропивницького дорівнювали менінгенівській²⁾. З приводу таких тяжких речей, як масовки, де треба показати життя не тільки маси, але й кожного з членів її, Суворін з захопленням писав, що, напр., в „Назарі Стодолі“ Кропивницький так розташував на кону учасників масовки, так, проробив життя її в цілому і в частинах, що гідно було тільки дивуватись: „Как они (дівчата) переглядываются между собою, писав він, переговариваются глазами и жестами. И в подробностях и в общей картине какая эстетическая мерка, не допускающая ничего грубого, резкого“³⁾. Цього можна було добитись тільки величезною роботою й при сильно централізованій владі, коли усі нитки сходяться до одних рук. І, справді, Кропивницький цим був і без такого порядку працювати не міг. Коли в Одесі 1885 р. театральна рада не згодилась з вимогою Марка Лукича дати йому (в художніх справах, натурально) право диктатури в трупі, М. Л. вийшов з неї⁴⁾. Таке правило засвоїли й його учні, котрих Кропивницький не лишав без вказівок, хоч-би за допомогою листів. Так, коли О. З. Суслов ставив „Олексія Поповича“, Кропивницький надіслав йому разом з текстом деякі малюнки декорацій, а в одному з листів пояснював значками виходи артистів: „Звідци перелазить Олексій. Циганка виходить на ганок, Герцик з приставки. В дворі видко вогонь, де Гадюка варить обід на кабиці“⁵⁾ (див. малюнок листа). Але видко мало було цих вказівок. „Покличте-ж мене, як гратимете, наказував він. В другому листі він писав

1) Театральний poradnik № 3, ст. 32.

2) „Одесский Вестник“ 1886 р. № 8.

3) А. Суворин Op. cit. ст. 6.

4) М. Садовський. Мої театральні згадки, ст. 16.

5) Лист до Суслова з 4-VIII-1904 р.

про „Енеїду“: „Если нужны рисунки к Энеиде или аксессуары — пиши“¹⁾ і т. д. На окремому аркуші паперу одного разу додав Кропивницький схеми декоративної оздоби сцени „Олексія Поповича“, кожної дії і навіть картини (див. малюнок) і т. ин.

На оздоблення сцени декораціями Кропивницький звертав серйозну увагу. Він висловлювався проти бідности декорацій для українських п'ес, яка тоді панувала по всіх театрах. „Надо изменить характер декораций, писал він про це до сина. Почему для русских пьес имеется 10—15 комнат, а для малорусских одна хата? Разве все хаты строятся по одному образцу? Есть хаты с малыми окнами, есть с большими, есть с підсохою, со сволоком и есть без оных. Потом хата историческая — куполообразная. Например, хата Гетмана, полковника непременно должна быть куполообразная, с разноцветными окнами и „Мамаем“ на входных дверях. Так-же необходимы портреты Гетьманов, полковников и козаков, баталій, борьбы и т. д.“²⁾. З цього бачимо, як старанно розрізняв типи хат Кропивницький, які в цьому ділі виявляв не аби-які знання (хати гетманів, Мамай над дверима, то-що)³⁾. Такі-ж суворі вимоги цілковито історично-етнографічної правди виставляв Кропивницький для реквізиту. „Надо заказать шашки (шаблі) по образцу, пістолі и мушкети, булавы, знамена по рисункам Ригельмана“⁴⁾. Не менш вимагав він і від одягу, вороже ставлячись проти псевдо-історичних костюмів. Бажання змалювати життя правдивим спонукали М. Л. відкидати все непевне. Тому він писав синові: „Советую делать не до фантазии портных, а по Ригельману (підкреслення М. Л. Кр-го. Т. С.). Все костюмы Васильева ни к чорту, они ложны и по рисунку и заношены до чорт знает чего. Советую жупаны шить, писал він далі, из толстого

¹⁾ Лист до Суслова з 5-X-1904 р.

²⁾ Лист до сина з 29-I-1905 р.

³⁾ Чи не збирав Кропивницький спеціально для цього різних матеріалів? В листі до внучки з 5-XII-1906 р, він писав: „Здобудь там у монахів свідомість про Залізняка. Я чув, що там (мова йде про Лебедин. Т. С.) його патрет. Здобудь знімок. Там у монастирі був казан, з котрого манахи, кажуть, зробили клепало для ночної сторожі. В архівах годилося-б поритись та здобути кой-які рукописи часів Гайдамаччини й раніших“.

⁴⁾ Лист до сина з 29-I-1905 р.

красного сукна и свиты из легкого полусукна серого, коричневого... Обязать условием хористов иметь пару смазных сапог, краги не годятся, и иметь свой жупан, шапку, сорочку одну украинскую и серую — для ролей невольников¹⁾.

Нічого дивного, що при суворих вимогах Кропивницького що до театральної справи він дістав признання для укр. театру навіть від ворогів України. З якими гордощами, підчас перебування в Петербурзі, де українських акторів визнали бажаними гістьми, М. Л. констатував: „Нас признали“²⁾.

Одними артистичними даними, однак, не можна з'ясувати всього. Мало мати „правила“, важніш перевести їх в життя, уміти здійснити. Для цього треба було мати чималий запас моральних сил, викшталтувати самого себе так, щоб бути для інших за живий, дієвий зразок, характер.

Відповідь на це дає життєпис М. Л. Кропивницького. Тяжкі умови життя в дитинстві і за юнацьких літ, продирання крізь лад незрушного громадянства, можливість зазнати неприємностей з боку людей, від яких, здавалося-б, не можна було чекати ударів, то-що — повинні були відбитися відповідним чином на „внутрішній людині“ в Кропивницькому. В нього розвинувся, за його власним визнанням, „беспокойный, подозрительный характер“. Ні до одного слова, ні до одного жесту М. Л. не міг поставитись спокійно. Він все урахував, прикидував, цінив і переоцінював, лякався помилки. „А может быть, — писав він в листі до Маркович, тут неправильно поставлен знак препинания и, если его перенести или совсем уничтожить, выйдет как бы отмена казни? А что, если писавший ошибся, или не дослышал, или не досмотрел“³⁾. Через це для М. Л. було непереможним, коли-б за ним в суспільстві визнавали прикмети „самодура, деспота, дикаря“. „Помилосердствуйте, писав він: такое мнение обо мне в высшей степени оскорбительно“. Звідси зрозуміла величезна обережність Кропивницького, його постійне стеження за самим собою, старання не поставити себе в непевне становище „Я придерживаюсь всегда муд-

1) Листи до сина з 29-I-1905 р..

2) „Исторический Вестник“ 1910 р. № 6 ст. 975.

3) Лист від 31 жовтня 1880 р.

рого совета, признавался М. Л., где не любят, не бывай, а а где любят, не учащай“. На можливий закид, що в даному разі Кропивницький хтів-би стати винятком з загального правила, він зовсім серйозно схилився до думки, що, здається, справді таки виняток, але в розумінню не надзвичайности своїх якостей („ко мне можно применить известное выражение Гоголя... „если бы Ивану Кузьмичу да нос Никанора Ивановича“ й т. д.), а навпаки величезної, так-би мовити, неорганізованости. („Моя бесхарактерность, отсутствие воли, горячка деятельности, подчас полнейшее охлаждение и безучастность, апатия, то снова лихорадочные стремления к чему-то и есть те причины, которые меня исключают из ряда обыкновенных натур“. Можливо, що в даному разі не обійшлося без деякого перебільшення — лист писано до дівчини. Але безперечно, що до всякого прояву „человечности“ Кр-кий ставився з величезною делікатністю. „Если мне человек выкладывает свою душу, пересказывает свои страдания, горе, в какой бы форме они ни выражались, если даже в смешной, я не посмеюсь над ним“¹⁾. Ця чулість і виробила в К-го видатне чуття такту. „Хотя и следует, с волками живя, по волчьи и выть, но там, где можно без ущерба, без контроля, вместо вытья взять правильную ноту, я ее всегда беру“, з'ясовував він своїй кореспондентці. Отож, для „правильности ноти“ М. Л. був не від певного, як він писав, етикету, але такого, щоб ним не утискувалося „свободомыслие“. Погнавшись за першим, на думку Кр-го, молода істота виробиться може в „достойного наград и повышений чиновника, примерного корнета, но... не человека“. Тому М. Л. був і не від того, щоб „коли охота придет кутнуть“, то „кутнуть“. В той-же час М. Л. не лякався признаватись, що він „никогда не был отважен и храбр — это дело сынов Марса... У меня никогда не было никаких воинственных наклонностей, и я никогда не симпатизировал песенке „победа с нами, не то умрем“²⁾. Але з цього не випливало, що М. Л. задовольнявся з малого. В нього були тверді переконання, від яких він не відступав ніколи. Для нього, напр., було дуже важно бути правим перед самим собою. Ніяка чужа логіка в такому випадку його не могла

1) Лист до Маркович від 24 жовтня 1880 р.

2) Лист до Маркович 11-XI-1880.

переконати. „Может быть, за недостатком логики, признавалась М. Л., за недостатком слов я и соглашусь..., но в душе я долго не примирюсь с собою“. Це трохи дивувало самого його. „Я и сам себя... начинаю не понимать: честен ли я или бесчестен?“

До таких, твердо засвоєних правил в Кропивницького належала найперш його любов до праці. Кропивницького не можна уявити собі без роботи. „Не думайте, писав він до Маркович, что я валяюсь в постели — нет, я не избалован“¹⁾. День його був завжди повний. Зранку, напр., „каждое утро“ він йшов до театру й там старанно працював. Старанно обдумував ролі і витрачав енергію настільки, „чтобы хватило сил для спектакля“. Він підпирав усією своєю істотою порядок й організованість. „Я не могу участвовать там, где нет ни организованного общества, ни правил о репетициях, ни положенных часов для репетиций. В вертепе, в Содоме не хочу быть“. Говорячи про день, М. Л. добивався того, щоб 23 години на добу „разумно употребить, а часок можно отдать нерасположению духа, впечатлению и даже капризу. Конечно, хорошо бы было и этот час употребить с пользой“. Кропивницький признався, що коли треба, він може упорятись обставинам. Вміє навіть мовчати, але робив це до певної грани, за якою доводилося б вже поступатись власним „я“. Він страшенно лякався уступок, бо, мовляв, „под конец, пожалуй, отрешисься от того, во что свято верил, что читил, чему поклонялся. Да, боже, меня сохрани и помилуй“²⁾. З цього погляду Кр-кий вимагав і від інших такого-ж ставлення. Листи його до дітей переповнено чулими батьківськими порадами й закликами до праці, енергійного життя, „наукою“ про самопошану.

Вимоги М. Л. що до праці випливали з його високого уявлення про громадську роботу. „Сердце мое пережило и почувствовало многое множество идеалов, хоть и призрачных, но все таки идеалов. Оно не может не заглядывать в будущее и зачерстветь в неведении, убаюкиваемое сказочками: „так быть должно“, „против судьбы ничего не поделаешь“. Нет, я знаю, что не так быть должно, что никакой судьбы нет. Я не хочу, чтоб Н имел больше меня

¹⁾ Лист до Маркович 31-X-1880 р.

²⁾ Лист до Маркович 9-XII-1880 р.

прав на то, щоб раз'їзжать на рысаках* й т. д. Зачем же ему все, а мне ничего“. Кр-кий з запалом говорить: „любовь ко всему человечеству..., любовь и чувства к поработленным“. Оця любов приводила до того, що М. Л. „отрицал все, почитаемое святынею“, й не визнавав церковности. „Меня возмущает, писав він, худо скрываема личина и всякая маскировка. Поп в атласной рясе читает проповедь об обязательной помощи друг другу... а сам грабит, вымогает и жмет бедняка. Архипастырь возносит очи к небу, так и лезет в рай, а втихомолку имеет целый гарем жен и т. д.“. Постійний ріст людини, безперестанна оцінка всього, що твориться перед її очима, відкинення „точки замерзання“, прагнення до все нових і нових цілів й т. и. характеризує собою „человека“. „В этом вечном движении человеческой души не таится ли залог и горю, и отчаянию, и счастьем и несчастьем, и подвигам и преступлениям?“ запитував М. Л. 1). Не дарма-ж самого себе Кропивницький звав не вгамованим. Це була вічно шукаюча істота, що горіла, мов велике сонце, що і світило й гріло. З загального горіння й любови М. Л. до нижчого брата впливало й його українство. Кр-кий згадував, як вороже до нього ставились всі ті, кому не припадав до серця український селянин. Він іронізував з того, що в Полтаві дехто мав на думці використати його українство. Він не лякався ставати до боротьби з царською адміністрацією за український театр, не опускаючи із ока і взагалі громадсько-української справи. Кропивницькому належить сильний експромт, який було сказано в 1905 р. і в якому на адресу російського ліберального суспільства було кинуто гнівне: „нас обманули“ 2). Але М. Л. не

1) Лист до Маркович 16-IV. 1883.

2) Нехай знушаються над нами,
Нехай кують міцніш кайдани,
На нашi з'ятрені руки
Хай завдають найтяжчі муки,—
Терпітимем аж до загины
За безталанну Україну,
І доки язика не втнули
Казатимем: нас обманули.

„Исторический Вестник“, 1910 р., № 6, ст. 976.

Бурхливий хід подій 1905 р., видко, приголомшив Кропивницького, бо в листі до Сулова з 10 липня 1905 р. він напівздивовано писав: „Заба-

носився з українством. Він волів не говорити, а робити. І роботою цілого його життя був витворений ним побутово-реалістичний український театр, який справедливо визнано театром Кропивницького.

стовки вскружили голови служащим, преимущественно, ремесленникам и специалистам... Опасно сделать замечание, тотчас: „прошу расчет“. И при этом разумеется, ссылка на то, что вот там-то платят больше и лучше кормят. Завтраки должны быть поразнообразнее: сегодня галушки, завтра сладкое молоко, послезавтра вареники с вишнями и т. д. Тон, апломб, самомнение чрезмерны... Чем все это кончится, ведает аллах“. З переходом революційного руху на село, зріст його та незалежність остаточно збили Кропивницького, який, не мігши розібратись в подіях, писав до сина 20 лютого 1907 р.: „тягтимеш руку за робочим — хазяїнові не догодиш, а потягнеш за хазяїном — накличеш гвалт на свою голову“. Таке становище привело до того, що, загубивши надію розібратись у всьому, що діється, М. Л. з байдужістю писав за кінець: „Коли-б вже швидче розрішився чим небудь той напружений напрямок, який не дозволяє виїхати на довгий час з дому“. (Лист до сина з 28-го березня 1907 р.).

ЛИСТИ
М. Л. КРОПИВНИЦЬКОГО

ДО А. В. МАРКОВИЧ

Итак выходит, что „я сам себя высек“, другими словами: побил себя собственным орудием? Ибо я прочел раз ваше письмо, прочел в другой и вижу, что мне дарована амнистия, но не полная, а с оставлением под полицейским надзором. Значит, я чего-то не досказал, что-то Вами не понято? Или это месть, та месть, о которой говорит, кажется, Гете: „женщина только умеет любить, но она же только и умеет мстить?“. Значит, мне надо покориться и смиренно принять предлагаемый вердикт? Значит, я все-таки виновен, несмотря на то, что в исповеди моей я принес полное раскаяние, а чистосердечное раскаяние по общечеловеческим законам (если только кающийся содеянным проступком не причинил никому особенного вреда или ущерба, сопряженного с потерей материальной или нравственной) заслуживает полнейшего прощения. Но в делах сердечных, значит, этот закон неприменим. Вы говорите: „вы не смеете ко мне относиться с недоверием, а я да“ (?). Далее: „я вам верю и не верю“ (?). На этих двух фразах построено ваше письмо и в нем сквозит, виднеется проект будущего. Отняты права, поколеблена вера!!! — Непривлекательное будущее! Положим, в письмах есть и сбивчивость и как-будто полное прощение, но это пока преобладает сердце над разумом: там же, где говорит чистый разум, там: строгий полицейский надзор, „не верю“, „не даю прав!“. Что я могу на это сказать? Разве только построю предположение, чтобы обмануть себя, предположение такое, что: бумага слишком плохой, холодный и черствый проводник сердечной теплоты, душевных треволнений? Значит, я до сих пор в глазах ваших Фома неверный? Утешу себя тем, что время меня оправдает, что придет такое время. Но какой-то поэт говорит: „время там же, где и было, а уходим только

мы!“. Неужели я отплываю все дальше и дальше в бесконечное море — полное новых страданий, скорбей и мук? Да, видно, что так! Еще муки, еще пытки! Нет, буду себя уверять, что вы не все то сказали, что хотели сказать. Нет, Антонина Васильевна, вы не можете быть так мстительны, так жестоки, не правда-ли? Это у меня такой беспокойный, подозрительный характер; я преувеличиваю, я из мухи слона делаю. Да, да, ведь? Я буду предполагать и делать догадки в свою пользу! Ведь известно, что даже преступник, приговоренный к смертной казни, читая свой приговор, сомневается даже в такой истине, что „что написано пером, того не вырубишь топором!“. „А может быть, думает он, тут неправильно поставлен знак препинания, и если его перенести, или совсем уничтожить, выйдет, как бы отмена казни? А что, если писавший ошибся, или не дослышал, или не досмотрел?“. Словом, надежда, которая не оставляет человека даже в тот момент, когда ему уже затягивают петлю на шею, руководит его воображением, укрепляет его и заставляет верить в невероятное. Так я хочу уверить себя, что мне свойственно делать догадки, группировать и комбинировать слова и фразы в свою пользу. Этому еще помогает присущее всякой женщине кокетство, которое не покидает их даже в самые потрясающие и безотрадные моменты. Я подметил в вашем письме, т. е. в заданной мне головомойке, кокетство мысли и, клянусь, хохотал и целовал эти дорогие строчки! Помните-ли сцену из „Сватання на Ганчарівці“ Ульяны с солдатом, сцену, где перемешано кокетство с наивностью: „я матері сказала, що люблю Олексія, що люблю дуже його, а вам цього не скажу“. Сравните же: „что я чувствую, нельзя сказать в письме“... далее: „как я вам могу писать о своей любви?“. Далее: „посылаю вам теперь те слова, которые начертила на порт-сигаре“. И выходит: „Я люблю тебя, но только не скажу этого тебе!“. Разве не так? Впрочем, я повторяю, что человеку свойственно делать догадки в свою пользу.

Вы спрашиваете меня: как я мог целый месяц писать страстные письма! Я вас спрошу в свою очередь, как вы могли, любя, целый месяц молчать об этом? Вы скажете: гордость не позволяла! Я скажу: самолюбие диктовало! А известно, что гордость, самолюбие, себялюбие, самообо-

жание, самосохранение, самоотвержение — все это кровные братья и сестрицы, а чадолюбивые их папеньки и маменьки: сердце и душа; только разум здесь разыгрывает роль мачехи, или сурового свекра, или злого отчима. Наконец еще скажу: „как мог?“ — „Стерпится — слюбится“, вот что твердил я себе постоянно. Впрочем, вся страсть моя к Матрене Петровне¹⁾ заключена в три письма! Что касается вашего аристократизма, то я в нем положительно ошибся, аристократизм ваш казался, как я уже писал вам, в фразе: „пора вам!“ но вольно же вам было не сказать мне прямо: „мама больна, и потому уходите!“ вы не сказали, и я ваше предложение: „пора вам“ понял по своему. Теперь позвольте вас просить отказаться от следующего выражения: „если мы будем вместе, то вы можете всегда делать оскорбления из-за выражения, которое вам не понравится во мне“. Во-первых, выражение выражению рознь: есть выражения оскорбительнее пощечины, есть выражения, которые смываются только кровью, есть выражения, которые делаются наследственным достоянием и служат девизом целому ряду поколений; конечно, вы не о таких выражениях говорите, я вас понимаю. Но позвольте вам сказать, вы мне в таком случае приписываете качества: самодура, деспота, дикаря!..

По натуре бурлацкой, —

Он то ноги твои целовал,

То хлестал тебя плетью казацкой.

(Некрасов).

Помилосердствуйте, Антонина Васильевна, такое мнение обо мне в высшей степени оскорбительно! Что мне может не понравиться какое либо ваше выражение, как вам мое, это может случиться; но чтобы из-за этого устраивать сцены, это было бы недостойно нас обоих. Взаимное доверие и уважение — вот основы благосостояния и душевного покоя; при помощи сих двух основ, все ненравящееся изгоняется и испаряется из памяти через посредство разумной воли обеих сторон, — без сцен, без ссор, без тревожений. Затем доложу вам, что без вашего требования я прекратил переписку с Матреной Петровной¹⁾, написав о том Даценке;

¹⁾ Капитоненко, Матрона Петрівна (скорочене ім'я Мотя), знайома М. Л. по дому Даценків (див. нашу статтю „Автобіографія М. Л. Кропивницького“, в збірникові „За сто літ“, стор. 199).

может быть, мне еще придется ответить или на ее письмо, или на письмо Даценки о ней. Я писал о ней Даценке, но ответа не получал.

В Полтаву я переехать не могу теперь, как не могу положительно сказать и того, когда я буду в состоянии переехать в Полтаву. Во-первых, необходимо выждать время, пока все совершившееся, касающееся моих амурных галлюцинаций, не придет в должное равновесие; пока, наконец, публика, занятая в настоящее время моею свадьбою, не оставит меня в покое и не обратится к своим обыденным занятиям. До того же я только вам даю права потребовать меня перед свои ясны очи в назначенный день, предупредив о том за три, четыре дня. Во-вторых, я не могу так легко расстаться с Елисаветградом и вследствие личных экономических расчетов и еще потому, что Выходцев¹⁾ до сих пор никак не может отыскать актера на мое место; подумайте же, каково и его положение? Хотя я и предупредил его, еще 6-го октября, чтобы он искал себе актера. Экономические мои расчеты таковы: я здесь получаю 200 р. в месяц и 2 полубенефиса в сезон; квартира здесь мне стоит только отопления и освещения, для чего я и заготовил дров на всю зиму; заметьте, квартира из трех хорошо мебелированных комнат, совершенно изолированных; в такой квартире я в одну зиму сделаю больше, чем в другой квартире в два года; такое изолирование весьма важно для моих артистических и литературных занятий. Наконец, я должен здесь жить, пока моя дочь, Маруська, не привыкнет к бабушке настолько, чтобы могла без слез отпустить меня куда-нибудь на жительство. Тетка, Марфа Петровна Зайковская, берет мою дочь на воспитание, и я против этого ничего не имею, так как она, тетка, располагает вдесятеро большими средствами, нежели я, и все эти средства по смерти ее завещаны Марусе. Дав слово тетке прожить зиму в Елисаветграде, я отнял у нее 300 руб., потому что ей предлагали за мою квартиру эти деньги в августе месяце. Я могу изменить условия с Выходцевым: играть у него три спектакля вместо четырех, или два в неделю, и потому могу три дня быть в Полтаве, а 4-й в Елисаветграде, т. е. играть

¹⁾ Антрепренер „русско-малорусских“ труп, у якого служив М. Л.

и там и там. Но в эту сделку я только тогда войду с любителями, когда они организуют общество, выработают правила и устав, и имея, по крайней мере, 30 человек мужчин любителей и 12 женщин. (Здесь я считаю персонажей и хор). Приезжать же на те спектакли, которые устраиваются так: „шити, білити, завтра великдень“, я не могу. Волноваться постоянно, так меня не надолго хватит. Когда организуется общество, я приеду в Полтаву на два—три дня, сообща составлю репертуар, примерно, на 4 спектакля, прочтем пьесы и раздадим роли. Моею обязанностью будет распределить роли, объяснить каждому тип, характер роли, указать на необходимые детали, места и положения в пьесе. Затем репетиции производятся без меня, учатся роли; с моим приездом делается генеральная репетиция и спектакль готов. Скажу еще вот что: переехать теперь в Полтаву, значит дать право товарищам-актерам отзываться обо мне, как о человеке, не держащем слова, а враги скажут: „не любила публика, и сбежал!“. „Неуживчивый человек!“ скажут. Да мало-ли чего не скажут. А это подорвет мой кредит в театральном мире. Ведь Полтава приглашает меня только на год, а там я опять должен буду возвратиться в свою семью „аки блудный сын!“ При том же я слишком строг к себе, как актер, и потому отрицаю в себе те таланты, которые приписывает мне Полтавская публика. Я понимаю, что играю, я не порчу ролей, я немножко знаю сцену и до одурения люблю искусство—вот все мои таланты! „Хорошо там, где нас нет!“, говорит пословица. Кроме того, я придерживаюсь всегда мудрого совета: „где не любят, не бывай, а где любят, не учай“. Затем вы спрашиваете меня: „неужели вы такое исключение“. Верно, я действительное исключение, и вы в том также убедитесь, если хорошенько всмотритесь в меня; не думайте, что я предполагаю в себе лестное исключение: моя бесхарактерность, отсутствие воли, горячка деятельности, подчас полнейшее охлаждение и безучастность, апатия, то снова лихорадочные стремления к чему-то и есть те причины, которые меня исключают из ряда обыкновенных натур. Словом, ко мне можно применить известное выражение Гоголя („Женитьба“), где невеста так говорит: „если бы Ивану Кузьмичу да нос Никанора Ивановича, да немножко развязности Балтазара Балтазаро-

веча, да чуточку солидности Ивана Павловича“... Вот и я говорю, если бы нашлась душа, которая полюбила бы меня со всеми моими недостатками, за мою душу и смотрела бы на мои заблуждения, как на бред больного, на мои аномалии, как на следствие пережитых невзгод и страданий, она бы воскресила и исцелила меня. Она бы сделалась для меня другом, матерью, сестрой милосердия, святынею! А вы, вместо врачевания, зондируете мои раны и не говорите: „они исцелимы“, а напротив: „они глубоки!“. Право, я так ошеломлен, так разбит и принижен, что даже боюсь вам сказать, что у меня на душе. Помилуйте: я у вас под надзором, нет веры в меня, отняты права! Нет, Антонина Васильевна, вы не все сказали, и не досказанное вами мучит меня! Ах, это не та „Тося“, которая писала мне: „не забывайте свою Тосю, которая вас немножечко любит“. Та Тося этим своим „немножечко“ сказала много мне, она воскресила в душе моей надежду. Безумный, я эту надежду изгнал, пренебрег! Нет, больше,— я осквернил ее!.. Неужели же она никогда не придет и не скажет с улыбкой светлой, всепрощающей: „и снова я тебя люблю немножечко!“ и в этом немножечко снова воскресну я, и засияет все вокруг меня, и душа моя, освободившись от оков вечных страданий и мук, скажет: „ах, как легко, как весело жить!“ Пишите, как можно больше, как можно чаще.

Підборканий і прибитий Марко.

Маме прошу передать мой поклон, а Васе¹⁾ поцелуй. Пока будут расти мои цветы, растиме й моя доля. Пусть Вася усердно врачует их, а вам пусть посоветует еще усердней заботиться о некоем одушевленном предмете.

24-е октября 1880 г.

Дорогая Антонина Васильевна! Я вовсе не желаю популяризировать свою любовь настолько, чтоб даже Ел. Николаевна²⁾ знала: „чьи это очи!“. Когда я подтверждаю мои слова

¹⁾ Малолітній рідний брат А. В. Маркович.

²⁾ Олена Миколаївна Мілорадович, (коротке ім'я Белі) „малороссийская дворянка“, що брала участь в полтавських аматорських виставах.

перед алтарем Всевышнего, тогда все интересующиеся разгадают, чьи были очи! Вот почему я и солгал ей относительно цвета глаз, да тут дело собственно и не в цвете, а в выражении глаз и в той истине, которая изложена в моем письме к Ел. Николаевне. Я не хочу назвать нескромностью со стороны Ел. Николаевны — показывать мои письма вам или кому другому, но я боюсь, чтобы мне не пришлось раскаиваться в том, что я к ней писал; мое правило: если письмо писано исключительно ко мне, я его никому не покажу. Есть письма, которые можно читать громогласно среди тысячи людей, но есть письма интимные. Если мне человек выкладывает, как на ладонке, свою душу, пересказывает свои страдания, горе (в какой бы форме они не выражались, если даже в смешной! — я не посмеюсь над ним, зная, что каждое выражение, каждая боль, выраженная в этом письме, сопровождалась тысячью вздохов и, может быть, слезами!) стало быть он верит в меня, хотя-бы настолько мало, как утопающий верит в возможность спастись с помощью маленькой соломинки, и хватается за нее; и я никогда не рискну поколебать в нем веру в меня, хотя бы такую маленькую. Но что сделано, того не воротишь. Век живи, век учись, а дураком умрешь. Значит мною верно подмечено генеральство в Ел. Николаевне? Ну, Бог с ней! Не разглядел я значит ее хорошенько! Скажу еще: если бы я желал популяризировать свои отношения, я бы мог употребить для этого более верное средство, хотя-бы „Полтавские Губернские Ведомости“. Впрочем, если только Елена Николаевна показала вам одной письмом, то тут еще беды большой нет.

Наконец-то, принятая вами на время хитрая наука: „говорить и писать не то, что чувствуешь“, изменила вам. Вы убедились, что усвоенная вами письменная политика вам не дается, и вот вы высказались вполне: со всей вашей любовью, со всеми чувствами, сомнениями, надеждами, упованиями, верованиями и неверием. Но свидетель Вам бог и совесть моя, что я ваших верований в меня со дня отъезда моего из Полтавы (после Гаркуши) не поколебал, что доныне вся душа моя занята была одною вами; что мысли о вас, как о моем дорогом друге и желанном спутнике в дальнейшей моей жизни, никогда меня не покидали. Скажу раз навсегда, и пусть глубоко обдуманное и искренно-прочувствованное

желание будет мне анафемою, если я ему изменю: желаю любить вас одну, как ныне люблю вас, и если моя любовь к Вам иссякнет, у меня уж не будет сердца. И если я вас люблю, значит, я никогда не был способен любить, не понимал любви, значит, у меня не было никогда сердца. Клянусь, что я к Матрене Петровне, со дня отъезда из Полтавы (после Гаркуши) не писал ни строчки. Единственное письмо написал Даценке, о чем вам и писал я, но ответа не получил. Помню, что письмо начиналось так: „ратуй мене, ратуй!“¹⁾. Затем тема письма такова, что я в его дом вместо дружеского приема отведал яду. Получил я анонимное письмо, и кажется, Даценка рукоделия. Хотя в письме говорится, что пишущий сие и стар и дряхл. Письмо это напутствует меня и назидает, аки младенца, и мотивы назиданий довольно слезоточивы: „ты, говорит, поцеловал ее на вокзале публично“. Да, целовал в руку, а может быть и в губы, последнего, по совести говорю, хорошенько не помню, ибо я был пьян, как сапожник! Но будучи женатым, мне приходилось быть пьяным не раз, и когда я желал поцеловать жену мою при посторонних, она меня благоразумно останавливала. Это значит, как бы я ни был пьян, я все таки не нахал, по крайней мере не настолько нахал, чтобы на меня не влияя благоразумный совет! Затем слезоточивое назидание кончается удивительно комическим возгласом: если ты украинец (видите ли, куда пошло!), так покажи нам себя! Если бы это было не анонимное послание, я бы привел цитату из устного предания, сохранившегося в памяти украинцев из Запорожского суда. Известно, что Запорожский кош это был строго-нравственный орден, что туда принимались только неженатые или вдовцы, или оставшие семьи на руки стариков отцов, чтобы в Сечи: „набратись розуму, поміятись з бусурманом і пролити кров за віру православну та за Січ Запорожську матір“. Когда товарищи замечали, что какой-нибудь запорожец ухаживает за женщинами, его судили судом рады или громады и присуживали к ударам киями (это вы можете прочесть, если интересуетесь, в романе Кулиша: „Чорна Рада“). За второй проступок изгоняли из Сечи,

1) Значит „Спаси меня, спаси!“ (Виноска М. Л. Кропивницького).

или же, смотря по величине проступка, присуживали к смертной казни. Но перед исполнением смертного приговора били литавры, трубили трубы, сзывали народ на зрелище казни. (Казнь обыкновенно производилась не в центре Сечи, а в городах, в местечках). Глашатый после прочтения приговора обращался к собравшимся женщинам и девушкам с такою речью: „може хто з вас, молодиці або дівчата, хоче спасти християнську душу й вийде за нього заміж?“. Тогда выходила какаянибудь девушка из толпы и предлагала свою руку осужденному. Если осужденный соглашался жениться на ней, то ему даровали жизнь, но навсегда лишали права вступать в орден запорожцев. Так предание такое сохранилось: присудили одного запорожца к смертной казни, вызвалась девушка, желавшая выйти за него замуж. Приговоренный предложил ей засучить рукава выше локтей. Увидев, что у нея локти грязные и вообще сама она не аккуратна, неопрятна и неряшлива, покачал головой и ответил: „як маю я з такою нечупайдою вік коротати, то лучче вішайте мене!“. Так вот я и говорю, что если бы это письмо не было анонимное, я бы писавшему привел эту цитату с присовокуплением, что я не имею права, как Гульвиса-запорожец, выбрать смерть, потому что я имею двоих детей, имею двух сирот племянниц и еще есть у меня священные обязанности... об этих вам не надо пока знать! И сказал бы, что я предпочитаю поговорку: „лучше поздно, чем никогда!“. Конечно, я не хочу этим сказать о Матрене Петровне, что она неаккуратна, неопрятна и т. д. Но что мне пришлось бы с ней коротать век, в этом я глубоко убежден. Вы говорите, что вы ее встретили веселой, весьма радуясь за нее, значит, мой проступок перед нею умалется, а пройдет время, и он умалится до нуля.

Приехать теперь в Полтаву я решительно не могу, во-первых, к 1-му ноября я должен уплатить по векселю, данному мною совместно с покойной женой, 1560 руб.; эти деньги я должен получить с бывших ее крестьян и уплатить кредитору ротмистру Кульшицкому; деньги эти представлены крестьянами в Елисаветградский Окружной Суд, так как духовное завещание моей жены, которым она завещала мне свое имущество, еще не утверждено. Во-вторых, я серьезно болен: один доктор говорит, что у меня от сильного расстрой-

ства нервов периодическая мигрень; другой, что у меня головная лихорадка; третий, что сильная простуда!

Чорт их знает, кто из них врет! Но я нездоров! Последствия ванны благотельны: мне легче. В-третьих, я стеснен финансовыми обстоятельствами. Мне пришлось в этом месяце израсходовать около 150 р., если не больше, на моих сироток.

Итак: подайте же руку вашему „милому Марочке“, как вы начертили на порт-сигаре, бросьте тон, привитый и не идущий к вам, и начнемте серьезно и здраво разсуждать о том, что нам предстоит впереди. Задавайте мне тысячи вопросов, я буду вам отвечать откровенно, смело и без всяких виляний, уверенный, что никакое недоразумение не в силах поколебать в нас тех начал, которые вы назвали „сродством душ“. Затем говорю смело, не краснея: дорогая моя Тося, я, положи руку на сердце, говорю вам: я ваш, пока живет во мне сердце! Прошу, моя дорогая, писать, спрашивать меня и отвечать с полной верой в меня. Постараемся, моя голубка, заблаговременно очистить наш путь от малейших недоразумений, недоумовок и осветим его ярким светом чистой любви и безконечной веры друг в друга. Теперь уж я, когда приеду в Полтаву, то при маме позволю вам поцеловать в лоб, потому что вся мысль моя посвящена одной, моей милой и дорогой Тосе.

Ваш *Марко Кропивницкий*.

Маме целую ручку, Васе щечку, а вам рученята аристократические.

Вы в предыдущем письме сказали так: я приглашена в пятницу участвовать в концерте. Оказывается, что концерт имеет быть в воскресенье. Я уж теперь не похож на мышь! А знаете, что я сейчас открыл: что вы лучше всех моих врачей, потому что я мысленно пожил с вами, пиша письма, и мне легче стало. Не думайте, что я валяюсь в постели. Нет, я не избалован.

31-го октября 1880 г.

Не хочу откладывать времени и пишу тотчас же Вам под впечатлением вашего письма и того состояния, в какое привело меня ваше письмо. Каждое утро, идя с квартиры, я искал глазами почтальона, спрашивал у знакомых, не

приходил-ли почтальон? Подходя к театру, я с умоляющим взором обращал взгляды к кассе: весточку мне, весточку! И вот, наконец, от понедельника и до пятницы время протянулось, вот, наконец, и весточка!.. Но весточка не такая, какой я ждал: хитрость ли это, истощение ли чувства, кокетство-ли, я не умею назвать тона вашего письма, но мне тяжело! Уж очень сухим, черезчур холодным показалось мне ваше письмо. Это какой-то статистический отчет о вседневной полтавской жизни, какой-то перечень нисколько не интересных для меня новостей; говорю не интересных: в данный момент для меня, теперь, сейчас, в настоящую минуту! В другое время может быть эти новости меня порадовали бы, или посмешили, или развлекли, но не теперь, не сейчас; теперь они мне ничего не дают, я их теперь не понимаю!.. Или уж я действительно так сильно вас люблю, или же это агония чувств, последние судороги сердца?.. Ни о чем, ни о ком я не хочу теперь ничего знать и слышать; я бы и хотел что-нибудь понять, но ничего не пойму!.. Клянусь Богом, это мука, это пытка, это ад!.. Мое сердце так учащенно бьется, мозг расширяется и как бы хочет разломить череп, чтобы все осмыслить, понять до мельчайших частиц: а между тем загадка все усложняется и все более и более закутывается в какую-то непроницаемую ткань сомнений! Нет, видно вы не получили моего последнего письма? Какое мне дело до Белли? Обиделась ли она, пусть обижается! Хотя и следует: живя с волками, по волчьи и выть, но там, где можно без ущерба, без контроля, вместо вытья взять правильную ноту, я ее всегда беру! Пообедав раз-два у Милорадович, мне захочется также гастрономически угобзить свой желудок и в третий раз, и в четвертый; а там и пошла писать, и сам не заметишь, как сделаешься прихлебателем, нахлебником и подхалюзой. Когда мне будет необходимо пообедать у Милорадович, я пообедаю, ни на минуту не забывая, что я это делаю по необходимости! Белли обиделась? Опять генеральство сказалося. Вы неудачно пели в концерте? Что вам сказать на это, право не знаю. Разве посоветовать или пожелать в другой раз петь удачнее! Ах! Ей Богу! Все бы эти вопросы следовало отложить до другого времени, я бы вам на них толковее ответил. Ведь согласитесь, что это напоминает тираническую, варварскую сцену. Усталый путник от жажды

просит встретившегося ему не жаждущего напоить его, а тот, вместо удовлетворения, вместо утоления жажды, говорит ему о том, какая прекрасная вода за 30 верст, а за 50 еще лучше: холодна, пресна и чистая, как слеза!..

Вы боитесь за свое сердце? Это довольно острая шутка! Впрочем, отчего бы вам теперь и не покуражиться надо мною? Вы говорите, что рана еще не зажила, но этой незажившей раной вы бьете меня уж слишком больно и часто! Я бы пол жизни отдал, чтобы только заживить ее, но кажется, для излечения ее мало будет и целой моей жизни!.. Нет, вижу, что чистосердечное сознание не в моде теперь. Мне надо было затемнить, затуманить какнибудь мой поступок, просто обойти вас, перехитрить... словом, одурачить, что-ли? Но правды не следовало говорить! Но слово не воробей, не поймашь его, оно сказалось и теперь: „бачили очі, що купували, їжте, хоч повилазьте!“ Положим, вы меня успокаиваете, говоря: „не бойтесь, успокойтесь, я не могу уже влюбиться, а почему—вы знаете!“ Точно ли я это знаю? Наконец, вы не желаете, чтобы я приехал на „Наталку“, отчего ж вы в первый раз так желали этого? Если вы тогда, говорили, что мое присутствие ободрит Вас, заставит играть придаст вам силы и энергии, то почему же теперь мое присутствие даст совершенно противоположное? Темно и даже... странно, чтобы не сказать более! Конечно, я не приеду. Ей-Богу, Антонина Васильевна, вы, кажется, издеваетесь надо мной? Нет, уж вы лучше не будите во мне сомнений, я ими жить и не умею и не могу! Представьте, не получи вашего письма, я бы приехал в воскресенье в Полтаву, потому что был свободен; теперь же иду на репетицию и прошу поставить меня на афишу, чтобы при всем желании увидеть вас в воскресенье мне невозможно было бы это сделать.

Вчера я послал Матрене Петровне письмо, потому что получил от нее и должен был ответить. Я написал ей откровенно, что любовь моя к ней была бред, помешательство и месть другой! Пишу, что буду везде говорить, что получил от нее отказ, чтобы тем оправдать ее в глазах людей, клеивших нашу свадьбу. Конечно, я только говорю вам так откровенно и не хочу, чтобы кто другой знал это. Относительно сына скажу вам, что мне не нравится, что так о нем отзывается его наставница, это только показывает ее же

неумение и вообще несостоятельность нашей педагогики. Не может же быть мальчик в 10 лет так развращен, что уж на него ничего не может действовать. Правда, что он поведен не ровно. Причиной тому была болезнь покойной жены, у которой ласки с бранью и колотушками перемешивались так часто, что у меня, как у постороннего наблюдателя в этом случае, не раз кружилась голова. Держать его при себе я не могу, потому что я слишком слаб к нему и снисходителен. Изволите ли видеть, семейство Круссеровых, у которых находится мой сын, кажется отчасти помешано на этикетке, а стало быть мой сын, привыкший к свободомыслию, в этом случае уж всецело благодаря папеньке, должен им казаться эксцентричным. Извините меня, но я не понимаю, почему мальчику не порезвиться, иногда не подурачиться и даже не расквасить нос товарищу? Я терпеть не могу детей, рассуждающих о высоких материях, ловко расшаркивающих, галантерейно подающих носовые платки и табакерки тетенькам. Я в таких ангельчиках вижу в будущем тонких подлецов, мазуриков, достойных наград и повышений чиновников, примерных корнетов... но не людей!

Докажите мне, что я ошибаюсь, и я тогда преклонюсь перед Вашим мнением. Маруся смешивает Вас с кем-то, потому что говорит так: „та тетя, которая меня тогда ласкала в саду, позавчера в лавке давала мне конфекты“. С Марфой Петровной я о Вас часто и много говорю.

Хоть вы и не умеете целовать, но Васин поцелуй я знаю, потому что с ним целовался, и ему посылаю в ту же щечку поцелуй с причмоком. Маме вашей прошу поцеловать ручку, это вы сумеете сделать, и скажите ей, пусть она вас заставит сказать всю правду мне и пусть хорошенько вас пожурит за то, что вы меня мучите. В Полтаву не скоро приеду: много дела, много хлопот! Играть в Полтаве? Это ужасный вопрос и пока еще остается открытым. Да если по правде сказать, так мне и не для чего играть в Полтаве: у вас есть новые силы, новые таланты, и дай Бог их побольше! Меня здесь любит публика, почти в каждом номере газеты разбирают мою игру и заставляют, так сказать, работать и преуспевать. Не дальше, как в сегодняшнем номере целый гимн мне был пропет за роль помещика в „Выгодном предприятии“ и за куплеты в дивертисментах. Чего же мне?

От добра добра не ищут!

Здесь я живу особняком, нигде не бываю; не только у товарищей, но даже у родного дяди по матери до сих пор не был, а он у меня единственный дядя, прелестный парень и солидный пост занимает: Исправник Елисаветградского уезда. Никто меня не приглашает ни на обеды, ни на ужины, потому что меня здесь давно знают, и знают то, что меня трудно соблазнить. А коли охота придет кутнуть, я и сам поеду в гостиницу. Писал вам то, что думал, может быть, завтра же многое передумаю и от многого пожелал бы отказать; но знайте меня таким, каков я есть.

Ваш *Марко*.

Дорогая моя голубка, Антонина Васильевна!

Я Вам писал в прошлом письме, что я отдаюсь вполне впечатлению минуты и не ручаюсь, что завтра же во многом расскаюсь, так и случилось. Я только прошу не будить во мне сомнений, потому что я еще никогда не испытывал чувства ревности и страшусь его испытать. Я ревновал мужчину к мужчине, ревновал бога, ревновал мнения, убеждения, но жену — никогда! Однако пора перестать об этих нервных вещах говорить; нервы надо оберегать, и потому — конечно, шабаш! Я вам верю, вы мне верите — значит, к чему же нам напрасно волноваться обоим? За сына моего я изъявил претензию лишь к его наставнице, но не к вам, — не знаю, откуда вы взяли, что я на вас за это сержусь? Теперь приехать в Полтаву никоим образом не могу: финансы мои так расстроены, что дай бог только к следующему месяцу привести их в надлежащий вид. Я уж вам писал, что мне предстоит уплатить по векселю 1500 р., завтра меня вызывают в окружной суд для утверждения духовного завещания покойной жены, и опять вносить 138 р. 50 к. А тут зима на носу: отдал переделать шубу — 45 р. Если начать высчитывать, так голова пойдет кругом. Зачем мне играть в Полтаве? У вас идут спектакли и без меня, и идут, как и сами вы говорите, успешно, зачем же вам от сбора отрывать 50 руб., чтоб уплатить мне? Кроме того, я привык играть, а не баловаться. Те ж спектакли, в которых я участвовал в Полтаве, были для большинства баловством, препровождением вре-

мени, целью порисоваться перед публикой... Кроме того, чтобы играть хорошо, надо быть спокойным, как для того, чтобы и обдумать роль, равно и для того, чтобы хватило сил для спектакля, я же во все эти спектакли был расстроен, усталый, измученный!.. Нет, этак не годится! Так играя не долго и до того, что верхним корешком да вниз! Словом, я не могу участвовать там, где нет ни организованного общества, ни правил о репетициях, ни положенных часов для репетиций... В Вертепе, в Содоме не хочу быть! Здесь я получаю 200 р. в месяц и знаю, что в таком то часу мне нужно явиться на репетицию, а в таком то на спектакль и больше я ничего знать не хочу. Отдать же себя всецело Полтавским спектаклям я не могу, хотя-бы мне за это Полтава, благодарная Полтава, пообещала поставить памятник из чистого гранита против городского сада.

Сегодня я играю две громадные роли, а потому тороплюсь вам писать: „Дело Плянова“ — Отрубова и „Не по хорошему мил“ — Петрова. В воскресенье, не знаю почему: думал ли я о вас, или о той шутке, которую вы надо мною проделали относительно боязни за ваше сердце, я пел в дивертисменте и сбился, и так осрамился, как никогда. Целую ночь не спал, хотел напиться, та одумался, зная, что напившись, я бы наделал чудес. Вот до чего я самолюбив! Сейчас вернулся со спектакля усталый, измученный... Объявил вновь Выходцеву, что служу уж только до 12 ноября, и вновь нытье и оханье! Может быть поеду на несколько спектаклей в Одессу, Харьков, Кременчуг... Словом, где найду удобным и подходящим играть, там и буду. Хотел бы, очень бы хотел побывать в Полтаве, но „рада б душа в рай, та гріхи не пускають“. Впрочем, поездка в разные города еще мечта, а исполнение ее в руке божьей. Хотя я и писал вам, что послал Матрене Петровне письмо, но письмо это завалилось у меня между бумагами, и я его отсылаю только завтра. Так вы хорошо сыграли Наталку? Желал бы я вас видеть в этой роли в третий раз: я, как актер, вряд ли был бы доволен первыми двумя дебютами, но в третий раз имел бы право сказать положительно, что вы делаете из этой роли! Помните только одно правило: никогда не старайтесь подделываться под вкусы публики, а доби-

вайтесь естественности и правды. Я теперь кончаю пьесу, над которой уж работаю около 4 лет. Пьеса на русском языке, в стихах, из актерского быта, имя ей: „Беспочвенники“. Пьесу отсылаю в журнал: „Слово“, и на этом кончаю мое русское авторство и тотчас принимаюсь за малорусские. Итак, моя дорогая Тося, перестанемте мы оскорблять друг друга и томить подозрениями и нелепыми догадками, и будем называть впечатления их настоящими именами: минутными-ли, часовыми-ли, а будем заботиться о 23 часах в сутки, как бы их разумно употребить, а часик можно отдать нерасположению духа, впечатлению и даже капризу. Конечно, хорошо бы было и этот час употребить с пользой, но если невозможно, надо примириться, ведь говорит же Калхас в „Прекрасной Елене“: „один мудрец сказал“: невозможное — не возможно! „Ну-с, так я говорю первый: забыть все, что было с вашей стороны высказано под впечатлением нерасположения духа, что мне казалось оскорбительным, что мучило меня и т. д. Я знаю, что Тося отдала мне свое любящее сердце, а стало быть, сулит мне в будущем счастье, покой и блаженство. Я буду беречь это сердце, лелеять его и дорожить им; я его заключу в мою душу, где оно сольется в одну общую гармонию и положит основание моему счастью. Так, забыть весь мир скорбей и печалей, забыть все старания и огорчения; душа моя обновилась в любви вашей, и дай Бог, чтоб в ней долго-долго жило то святое чувство, каким она теперь переполнена! Если бы вы могли меня видеть в настоящую минуту, вы бы, верно, сказали: „я видела твой счастливый взгляд и никогда его не забуду“. Да, потому что я теперь так полно счастлив!

В средних числах ноября я непременно буду в Полтаве, мне необходимо видеть вас, и я желаю вас видеть со светлую улыбкою на устах, с тем выражением глаз, какое сказало мне в последний мой приезд в Полтаву: „я тебя люблю бесконечно“!

Целую ваши рученятка. Ваш Марко.

Маме целую ручку, Васе — щечку. Пусть извинит меня Вася, что не пишу ему отдельно, ей богу, по горло завален работой. А знаете ли вы, моя голубка, что Вася своим наивным, чистосердечным вопросом: „когда же вы к нам приедете“, кольнул меня так, что я готов был провалиться.

29-го ноября 1880 г.

Дорогая моя Тося! Как я ждал, с каким нетерпением я разорвал конверт, чтобы скорей прочесть ваше письмо. И теперь, клянусь всем на свете, последнее сомнение исчезло из души, и я счастлив! Но, боже мой, когда и в чем я третию вас? Если я говорю вам откровенно все то, что у меня на душе, на сердце, все то, что мне приходит на память, что рисует мне мое воображение, значит ли это третировать вас? Ах, я так много ошибался, так много во мне накипело желчи, что я в самом себе сомневаюсь, самого себя боюсь, я теперь даже ненавижу себя; вот сейчас, сию минуту я готов себя казнить! Нет, довольно: лечите меня, как можно скорее лечите, я серьезно болен! Я твердо убежден, что вы судьбой мне посланы, чтобы быть моим ангелом хранителем, ангелом исправителем, божеством для меня. Ей-Богу, на меня находят минуты помешательства! Лечите меня! Я убежден, что я дорог вам, как убежден в том, что я раз рожден, а не дважды. Верьте же и мне, что вы не услышите больше от меня ни слова упрека или сомнения. Тося моя бесценная! Ах, если бы вы могли видеть меня сейчас, вы бы пожалели меня! Если есть счастье на земле, и для меня определена его доля, то я его найду в вашем дорогом сердце. Простите же своего взбалмошенного Марка, он весь ваш, он вами дышет, мыслит, живет!.. Как глупо, глупо, глупо! Прожить два дня в Полтаве и похоронить так скверно дорогое, невозвратное время! Но зато теперь, как я буду себя вести, вы просто поразитесь! Да разве вы не чувствуете, как я счастлив! Лоб мой разгладилась от морщин, и морда преглупо, счастливо улыбается. Дурак человек, большой дурак! Сам себе навяжет страдания, охи да вздохи, и нбсится с ними „як дурень з ступою“. А знаете, моя голубка, когда карета отъехала от театра, ей-Богу, мне показалось, что я похоронил вас! Ведь вот придет же такая фантазия! От божевильний!

Скорее бы Великий пост, чтоб в Полтаву, поближе к Тосе, а там Светлое Воскресенье, а там Марко скажет: Тося, поедем в Тахтауловку, пусть поп свяжет нам руки! Так-ли, моя дорогая? Я, ангел мой, терпеть не могу выставки, не знаю, как вы на это посмотрите? Пусть мама благословит нас, и скажите это ей теперь же! Но все-таки она, как по-

сторонний наблюдатель, пусть прямо ответит на ваш вопрос: можете ли вы быть со мной счастливы? Тося, голубка моя, не сердитесь на своего Марка! Годі й шабаш! Позволю вам, когда приеду в Полтаву 12 декабря, надрать мне чуба, та легесенько, щоб не боліла голова.

Не хочу перечитывать, что написал, ибо это говорила душа незлобивая, без примеси желчи и без сомнений.

2-го декабря мой бенефис: идет „Болезнь века“, др. в 5 д., „Бой жінка“ и дивертисмент. Цо то бендзе! цо то бендзе! Вообще бенефисы, бывшие до сих пор (Дарьялова, Кошевой, Селиванова, Выходцева, Любской) плохи. Чорт его подери, хоть бы не приплатить до расходов!

Ваш *Марко*.

Васе щечку, маме ручку целует Марко, а Тосеньке обе ручки и поет: „не брани меня, родная!“ Прошу кланяться вашей сестре. Спешу в спектакль. Как вы распорядились с посланными нотами? Вчера была у меня вся труппа по случаю дня ангела моей Маруськи, ей так много натащили игрушек, что она теперь не знает, что с ними и делать. Я вчера проиграл в преферанс (я никаких игр больше не знаю) 16 р. 45 к. Ну, как после того не повторить поговорки: „кто не счастлив в картах, тот счастлив в любви“?

11-го ноября 1880 г.

Дорогая Антонина Васильевна! Не ревновал вас я ни сколько, а говорил только: не знакомте меня с ревностью, я ее не хочу, я ее боюсь. Кто знает, как меня может ревность направить: может быть, я превращусь тогда или в Отелло, или в плачущую бабу!.. Я говорил, что не хочу испытать это чувство. Кроме того, говорю, что письмо писалось под впечатлением минуты, и, понятно, я не желаю, чтобы подобные минуты повторялись, а это уж положительно зависит от содержания ваших писем. Письмо Елене Николаевне послано, сегодня посылается другое, и ответ послан на телеграмму, что буду играть 22-го ноября.

Но что играть? Вопрос весьма и весьма трудный. Так бедна украинская драматическая литература, что я не знаю, что и посоветовать? Посылаю „Послідній кошовий запорож-

ський“, пусть прочтут: годится? — напишу музыку, нет? — к чорту! Своего же „Невольника“ я бы не хотел ставить, потому что нахожу его слишком неудовлетворительным в сценическом отношении и слишком сложным для любительского спектакля; но я написал Мозеру¹⁾ в Петроград письмо, прошу его выслать мне цензурованный экземпляр, и как только получу, пришлю его в Полтаву. Я не смею ничего сказать против вашего братства с каким-то воспитанным юношею — это ваше дело; ничего не скажу и против насмешек Елены Николаевны и вашей защиты. Вам неприятно, если обо мне дурно отзываются в вашем присутствии, или подсмеиваются надо мною, и вы вправе высказать ваше негодование. Что касается Матрены Петровны, так вот что скажу вам: на другой день после выезда моего из Полтавы, я написал Даценке, что я не женюсь на ней, что это было увлечение. Даценко почти месяц не отвечал мне, а получил я в это время несколько анонимных писем, и одно из них мне в особенности показалось подозрительным, о чем я вам и писал. Судя по содержанию этого письма, оно было писано или в доме Даценка, или кем либо из его коротких знакомых. Затем я получил от Даценка письмо, в котором он извиняется предо мною за долгое молчание, свалив вину на недосужность, массу работы, болезнь и т. п. Ответил я Даценке вновь, что не женюсь на Матрене Петровне, и указал побудительные к тому причины: разницу лет, что любовь моя к ней есть не что иное, как месть другой, что любовь эта была бред, помешательство, что она прошла. Ответа нет и до сих пор, а письмо было послано 19-го октября! Наконец, 24 или 25 получаю письмо от Матрены Петровны. Долго я на него не отвечал, хотел, чтобы она моим молчанием решила себе загадку; но наконец 3-го дня я ей послал письмо, где прямо говорю, что не женюсь на ней. Жду анонимных писем, полных ругательств и проклятий. Вот вам и вся история! Вы заподозрили меня в трусости, в боязни. Вольно же Вам не понимать меня? Я никогда не был отважен и храбр, это дело сынов Марса: „на бой с врагами, друзья, идем!“ у меня же никогда не было никаких воин-

¹⁾ Олександр Християнович, — бібліотекар Олександрійського імператорського театру.

ственных наклонностей, и я никогда не симпатизировал песенке:

Победа с нами,
Не то умрем!

Мне жизнь всегда была милей смерти, и я бы ее никогда не понес на бой с врагами для того лишь, чтобы:

По горам твоим, Кавказ,
Разнеслась слава о нас!

Мне стыдно показаться в Полтаву, а не страшно, не боязно! Если бы я был Хлестаковым всегда, это другое дело. Говорю Вам, что я наглумил, что в мои годы это непростительно, и вот причины, а не страх, не боязнь!.. Я могу повстречаться с Матреной Петровной, и я не буду знать, куда спрятать глаза: я могу повстречаться с м-м Даценко, и мне неловко будет в ее присутствии. Понимаете-ли вы это? Во мне ничего нет Дон-Жуановского, нет Хлестаковщины... Я был болен сердцем, сердце это изранили вы, и я искал врача. Понимаете ли вы? Я так теперь здраво и трезво люблю вас, что если бы сейчас я получил телеграмму, которая бы извещала меня, что в таком-то часу Антонина Васильевна Маркович венчается с таким-то, я бы, кажется, не проронил ни слезинки, я бы подавил малейший вздох в моей груди, я бы онемел, окаменел... А спустя некоторое время, я бы пришел в себя и сказал бы: а все таки я ее бесконечно люблю! Я так по крайней мере теперь мыслю, я так глубоко убежден. Что будет дальше, во что может развиться подобное чувство, какие принять формы и видоизменения, это вопрос? И разрешение его ищите в себе самой, Антонина Васильевна! Скажу вам, я не умею любить немножко, да и невозможно в любви понятие: немножко! Это не будет любовью: это только неправильно окрестили этим именем, именем любви, другие чувства: дружбу, привязанность, симпатию, уважение и т. д. Я приеду в Полтаву, я обязан уступить вашему желанию, но я не ручаюсь, что вы будете довольны мною; я не сумею скрыть того волнения, того стыда, который, как демон, будет заглядывать мне в глаза и бить по сердцу. Я тогда только буду покоен, когда Матрена Петровна скажет: „Да, действительно, я Кропивницкому не пара, спасибо ему, что он вывел меня из заблуждения!“. Но чтоб она это ска-

зала, чтобы сказала эту правду, как долго надо ждать! А общественное мнение, а пересуды, а ложный стыд, а самолюбие!.. Да, придется долгенько этого ждать! И Елена Николаевна мне писала, что все это пустяки; может быть, и пустяки для нея, а я, извольте видеть, так сколочен: вбил себе в голову, что я преступник, и шабаш, и никому не удастся меня разуверить! Может быть, за недостатком логики, за недостатком слов я и соглашусь и замолчу, но в душе я долго не примирюсь с собою. Уж я и сам себя в этом случае начинаю не понимать: честен-ли я, или безчестен? За всеобщее расположение и любовь благодарю, но квартиры в театре не принимаю. Если приеду, то остановлюсь в гостинице, где я могу и отдохнуть и располагать своим свободным временем, как мне заблагорассудится: и это мне обойдется в какихнибудь 2—3 рубля. А я еще не настолько промотался, чтобы нуждаться в 5 рублях. Если вам доставят удовольствие рецензии Елисаветградского Вестника, то прочтите их и даже можете похвастаться перед другими, если только это доставит вам удовольствие. По поводу № 125, должен вам объяснить, что какой-то рецензент оклеветал меня, сказав, что я ругался с суфлером и оркестром; а вы прочтете по этому поводу опровержение редакции. Клевета эта появилась из противного лагеря, который составляют враги мои: Селиванов, Дарьялов и компания, а с ними несколько лиц из публики, врагов малороссийского элемента. Прошу лоскутки эти сохранить для возвращения мне при свидании. Есть еще несколько рецензий: о городничем, о Мазепе, о Застрожаеве, но тех номеров я не мог достать. Не удивляйтесь, что письмо мое несколько походит на отчет, что от него веет холодом, вы сами переносите вопрос на такую почву, что надо же раз навсегда порешить с сомнениями и недоразумениями. У вас происходит какое то верошатание относительно меня: сегодня верите, завтра сомневаетесь, после завтра томитесь подозрениями!.. Да, это не жизнь, а мука! Перечтите все мои письма и выясните себе обстоятельно мой тип: не нравлюсь вам, не женируйтесь, скажите прямо; нравлюсь — по рукам! Вы все воображаете, что я рисуюсь перед вами, корчу из себя страдальца, чтобы вызвать с вашей стороны сочувствие, сострадание, сожаление? Я вам говорю правду, говорю то, что пережил, пере-

живаю, что думал, думаю... а уж это ваше дело сострадать-ли, сожалеть ли, сочувствовать-ли!.. Я нашел вас достойною, заслуживающею моей полной откровенности, и раскрыл вам свою душу, свои страдания, свои думы. Посмейтесь надо мною сегодня, я все таки скажу „вчера вы заслуживали моей полной откровенности!“.

Писал я Елене Николаевне и вам тоже повторю: постарайтесь вы добыть из канцелярии губернатора „списки безусловно дозволенных пьес“ и „списки дозволенных с исключениями“, (списки за все года, начиная с 68 или 70 г.), соберитесь куда-нибудь, возьмите листочек бумаги и спишите все малороссийские пьесы, а их наберется до 70, а может быть и больше, и напишите в Петербург Мозеру (его адрес я послал Елене Николаевне) и закажите эти пьесы переписать и по частям выслать вам, тогда ваше общество будет иметь малороссийскую библиотеку, — это будет стоить небольших денег, рублей около 200, а может быть и меньше. Понятно, что в числе пьес найдется и мерзость, которую можно употребить на обертку свечей, но найдутся и порядочные. Не выписывайте пока тех, которые у меня имеются: „Гаркуша“, „Назар Стодоля“, „Дай сердцу волю“, „Невольник“, „За Немань иду“, „Ганнуся“, „Послідній кошовий запорожський“, „Ятрівка“, „Був кінь, та з'їздився“; не выписывайте также: „Сватання на Ганчарівці“, „Щиру любов“, репертуара Ващенко-Захарченко, — все это можно приобрести здесь на месте и гораздо дешевле, а выписывайте те, которых нет в печати и преимущественно старые пьесы, а лучше все неизвестные. Я думаю теперь над „Ятрівкою“, пьеса очень сухая, не сценичная, но придется пока на ней остановиться. Когда решу ее поставить, тотчас ее и вышлю. Захочет ли Александра Ивановна Яковская заняться ролью Ятрівки? Трудная роль, и при удачной игре пьеса может понравиться. „Послідній кошовий“ тоже плохая пьеса, завтра ее высылаю Елене Николаевне. Музыки не имею, но могу написать. Кто это писал мне 8-го числа на афише? Передайте ему, что приеду, наконец. А хорошо было бы, если бы без меня обходились, я бы приехал посмотреть спектакль, и очень был бы доволен. Вообще, у меня нет желания играть в Полтаве, причиною тому — маленькая сцена-коробка. Маме ручку целую, Тосе обе ручки,

Васе щечку. Вышлю вам дуэт, написанный мною недавно на слова Шевченка: „За сонцем хмаронька“. Я пел его с Жарковой¹⁾ и с успехом. Вы должны будете выучить партию сопрано к моему приезду.

Ваш Марко.

Дорогая Антонина Васильевна! Призываю на помощь сердце, душу, ум и память; воскрешаю в своем воображении все пережитое, передуманное, пережитое, все виденное и слышанное в эти 2 дня (21 и 22 чис.); припоминаю все недомолвки, намеки, взгляды, вздохи... Хочу дать всему этому общее имя, подвести все под общий итог, уяснить себе все систематически точно, верно, рассеять мрак... и не могу, решительно не могу!

Как назвать настоящее мое состояние? Читайте мою душу и сами группируйте, приводите в порядок клочья моих мыслей, я с ними не справлюсь. Почему я не мог ни разу взглянуть Вам в лицо так прямо, так светло-чисто, так откровенно-любовно, как глядел в те дни, когда я вас только что узнал? Тогда в ваших взглядах, в ваших вздохах я читал счастье и любовь, теперь же в них явилось что-то новое, непонятное, необъяснимое! Да, я видел, как сменялись в них с быстротою молнии любовь, страх, сострадание, опасение, неопределенность, боязнь, и чаще сомнение; но веры, веры в меня так мало в них было. Я искал веры, я жаждал этого взгляда, но его не было; и неужели же вера в меня поколеблена навсегда? И вот я пуще томлюсь, пуще страдаю! Эгоизм, самолюбие, гордость, все во мне смято и облито кровью!.. О, как я теперь глубоко, как мучительно-болезненно сознаю нанесенное мною вам оскорбление! Я в письмах просил вас забыть его, но после свидания с вами я вижу, что это было страшное заблуждение с моей стороны что не забыть Вам его никогда! Когда я стал перед вами, на колени, — вы это помните? — душа моя безнадежно к Вам взывала: „Смотри, смотри, я ползаю перед тобою, дорогая! Излей всю злобу твою на меня, брось мне в лицо всем горем, всеми страданиями, причиненными мною тебе!

¹⁾ Полтавська аматорка, пізніше співробітниця Кропивницького в трупі Ашкаренка.

Ударь мне по сердцу сторицею оскорблений за нанесенное мною тебе оскорбление, но превратись же снова в ангела для меня, в друга-исцелителя, в ангела всепрощения, один луч веры во взгляде! Протяни же мне руку и подыми меня!“. Пусть ползание это было шуткой для других, пусть другие и смеялись, но вы все видели и все поняли прекрасно!

Один из ваших взглядов в то время, как вы поражены были внезапно болезнью К. В., сказал мне, или лучше сказать, навел меня на две совершенно различные мысли; то я в них вижу тождество, хотя не умею вам это тождество объяснить“. Ах, тот скажи любви конец, кто на три года¹⁾ в даль уедет!“ („Горе от ума“) „Смотрите, говорит Гамлет, лежа у ног Офелии: „мать моя смеется, а отец мой только вчера умер“. — „Как, принц, вчера?“ спрашивает Офелия: „Не вчера, а три месяца тому назад.— „Ага! скажите“, говорит Гамлет: „так стало быть можно надеяться на полгода людской памяти, а там, что человек, что овечка, — схоронили, позабыли“.

Простившись с Вами, я вошел в свою временную квартиру и, так как еще рано было ехать на вокзал, то я упрямил Алешу Маньку²⁾ остаться со мною. О чем-то мы говорили, но, видно, я был скучным собеседником, потому что Алеша постоянно дремал. Долго я шагал по комнате, мысли вихрем кружились в моей голове, сердце ныло, томилось!.. Я остановился против какой-то кучки сваленных вещей. Еще час тому назад эти вещи так были лелеяны, так внимательно осмотрены, так тщательно были пригнаны, а теперь брошены, как негодный хлам. И мне еще более взгрустнулось. Я стал бессознательно перебрасывать эти вещи; затем забрался в корзинку; вижу, какой-то узел, знакомое серое платье, знакомая лента... Я украл ленту!

И снова я зашагал, и снова столпился в голове рой мыслей и назойливых форм. Зачем мне эти вопросы предлага-

1) Здесь фраза „Три года“ не при чем. То, что совершается в три года, может совершиться в три месяца, в три дня и даже в три часа... Ведь клялся же я вам в любви, а через три часа клялся Моте. Помнил ли я о вас тогда? (Зауваження М. Л. Кропивницького).

2) Відомий український актор. Учень другої—молодшої школи Кропивницького. Працював в трупах Старицького, Деркача та ин. Автор кількох п'єс.

лись? Что значили взгляды Елены Николаевны? Что значат фразы: „он совсем еще дитя“?... „Я не могу забыть оскорблений, которые вы мне причинили“!.. „Вы полюбите моего Костю, это совершенный мальчик; вы не подумайте, Марк Лукич, чего-нибудь“! „А как он свято, как искренно меня любит“! „Будьте с ним как можно внимательней, любезней“! Зачем Елена Николаевна несколько раз, в присутствии вашем повторяла слова, сказанные будто бы Василием Ивановичем: „Кропивницкий, ухаживая, играет роли любовные“! „Костя скоро уедет“! „Вы меня не любите!“ Лезет в голову спектакль: „горе, лихо пропадаю, де схватись від біди“ (пропето с бесконечным чувством), я прячусь за спину Алексея, утыкая голову в шапку, чтобы не видеть вас в это время. Публика приняла это за комизм. Спасибо тебе, публика! „Була твоею і буду твоею“, так было страдальчески произнесено, что я, стоя за кулисами, (на выходе) пошатнулся, — так сердце во мне дрогнуло! Вы, Антонина Васильевна, меж двух огней. Вы желали, чтобы я уехал поскорее. Вам не удалась роль Ульяны, не потому, что вы не знали роли, а потому что вы ни на миг не могли сосредоточиться, забыться, увлечься, отрешиться от самой себя; потому что чувство, в Вас боровшееся, было как-бы под строгим надзором, под перекрестным огнем, вы не умели справиться с этим чувством, как бы боясь оскорбить или меня, или его. Но два места в роли вас выдали, о первом я уже говорил: „була твоею...“ а на второе я боюсь указать, пока не справлюсь с собою и не уверюсь, что это не ревность во мне говорит, а верная наблюдательность! У меня из головы не выходит случай, рассказанный вами, когда мы ехали на репетицию, как какой-то жених ваш ревновал вас ко всем, как он был в чахотке, и вы уехали!..

Прощаясь, вы мне сказали на ухо трижды: „я жду от вас письма“! Сказали вы трижды, потому что я был так взволнован, что, хотя и слышал вас каждый раз, но не понимал!.. Рука ваша так задрожала, когда я ее поцеловал, что я, как ошеломленный, отошел от кареты. Что я говорил, что я хотел сказать, не помню. И, когда карета покатилась, я крикнул: „Стойте!“ Вы не слышали. Я вот что хотел сказать: Антонина Васильевна! Вы не все сказали! Тысячу раз повторяю: вы не все сказали! Хоть я и не ко всему приго-

товлен, но предчувствие мне говорит: „готовься!“ Я не прощен вами, это я вижу, как вижу и то, что нет у меня сил загладить мою вину перед вами. Это не жизнь, а пытка! Но я не хочу долго мучиться и ежеминутно терзаться! Лучше разом: ударьте по сердцу! Не щадите меня, как я не щадил вас!

Уж я и не знаю, как мне подписать письмо: ваш Марко, или не Ваш? А слезы душат! Но чтобы заставить вас: нанести мне удар, или сказать: „я твоя“, я не щажу вас и говорю, что нежелание ваше, чтобы я видел вас во второй раз в „Наталке“, как равно нежелание ваше, чтобы я играл 21-го „Сватанье“, вытекало из одного и того же источника! Или вы боялись за меня, думая так: после субботы (21-го) уедет К. В., и значит он (т. е. я) ничего не узнает и будет покоен: „что человек, что овечка, схоронили, позабыли“! Или же вы боялись за К. В., что он не выдержит и выдаст себя, что и случилось. Был я у Вас утром, в день приезда, и ничего не знал, хотя и слышал, что Белли то-то и то-то мне говорила о своем племяннике. Вы ничего мне не разъяснили. И не случись вечером припадка с К. В., я бы, может быть, ничего и не узнал бы! Потому что все ваши взгляды, недомолвки, вздохи говорили бы мне о той вине, которую я чувствую за собой, о тех неизгладимых оскорблениях, которым нет прощения; и если-бы вы даже сказали мне впоследствии, что вот еще, мол, какая причина, я бы усомнился!

Марко Кропивницкий.

P. S. Как бы то ни было, я всетаки исполню мое слово и приеду играть 5-го декабря, для всех остальных я останусь актером. И что бы меня ни постигло, вы увидите, как умею покоряться не только судьбе, но и обстоятельствам, умею также выносить страдания и собственные вины. Знаете-ли, когда я прощался с вашей мамой, ее взгляд так был для меня дорог, так неподдельно ласков, что этот взгляд и до сих пор живет мою душу; он мне говорит: „Тебя Тося любит, и я тебя люблю за это“! Ах, Тося, Тося! пощадите меня или отвергните, но, бога ради, не томите! И снова слезы!.. Не обращайтесь внимания на все это: не щадите меня, ведь я вас не щадил! Рисунок в завтрашнем письме вышлю. Завтра же вышлю пьесу и музыку.

4-го декабря 1880 г.

Голубка моя, Тося! О, как я хочу верить в вас. Как хорошо мне и как легко жить этой верой, дышать этой мыслью! Мне кажется, что вы должны мне дать то маленькое счастье, которого я так долго искал; большого счастья я не возьму за мое маленькое, потому что в этом маленьком для меня целый мир! Этот мир будет охранять рука и сердце моего друга, моей Тоси. Тося может разрушить мою иллюзию, и очарование для меня исчезнет навсегда, и надежда канет в вечность! О, если бы это очарование никогда не покидало меня, как бы я был счастлив! Но отчего я боюсь, отчего мои руки дрожат, голова горит, сердце так стучит?.. Не хочу и пытаться разрешить это состояние, боюсь ошибиться!.. Не буду задумываться над этими вопросами, чтобы они не смущали меня, чтобы не изменяли расстояния между ударами моего сердца: пусть эти удары неровны, порывисты, то учащенные, то замедляющиеся, но они приятны мне, и пусть они будут продолжительны, бесконечны. никоим образом не могу приехать раньше пятницы, но оказать помощь при изучении ролей могу и письменно. Галя, это наивное существо, воспитывавшееся под крылышком матери, предположим, до 8—10 лет. Затем остается на руках отца-самодура, тщеславного человека, который посредством брака дочери рассчитывает добиться полковничьей булавы. Жажда честолюбия заглушает в нем чувство отца и он готов даже прибегнуть к насилию при сватовстве дочери. Но одна фраза Назара обезоруживает его и воскрешает в нем человека, отца и христианина. „Иди собі, лукавий чоловіче! Не поміг тобі бог занастити мене! А я чужої крові не бажаю!“ В то время Назар мог бы над ним так же издеваться, как издевался тот у себя в доме, заставляя Назара ползать пред собою на коленях. Такое вполне человеческое, истинно христианское обращение: „любите враги своя и прощайте им все оскорбления!..“ должно было вызвать сильную реакцию, что и совершается. Недоумки не понимают этого и говорят: „какой странный конец?“ Между тем это так естественно, вполне правдиво! Галя принадлежит по своему происхождению и воспитанию к привилегированному сословию, поэтому в манерах ее речей, в жесте, движениях должна быть панночка. Что Галя решается бежать с Назаром, это лишь след-

ствие того же воспитания; романтическая головка, помешанная отчасти на героизме Остряницы, Наливайки и пр. исторических чубатых удалцов. Поэтому монологи ее, где она упоминает о подвигах этих героев, должны быть произнесены с увлечением, с пафосом: „Ось мій Назар, мій чорнобривий! Все про війну, про походи та про Наливайка, про синє море!..“ Монологи, в которых сказывается беззаветно-бесконечная, идеально-любящая натура: „чи ти обнімала коли, Стехо, козацький стан?..“ должны быть произнесены тихо, с замиранием сердца, в каждой фразе фонтан чувства. Объяснение с отцом перед приходом сватов полно веры и ожидаемого счастья; наивности нет конца. „Хіба-ж не ти прислав?“ с болью, с криком должно вырваться из груди. „Ви покійній матері, біля домовини“... с рыданиями, обрывающими речь на каждой фразе, тогда понятен обморок. А обморок уж выйдет сам собою. Как упасть, это я покажу, конечно, не на сцене, а дома, у вас. „Тату, тату! Не вбивай його, я за полковника піду“, с отчаянием в голосе, в движениях, в лице — это почти помешательство: тут и злоба, и отчаяние, и боязнь за жизнь милого!.. Тогда ответ на упрек Назара: „Галю!“ — Ні-ні!.. должен вызвать обморок. Когда отец прощает и благословляет, снова в выражении лица Гали должна быть та же наивность, вера, любовь, бесконечное счастье. Чи второпали? Вот вам, по моему мнению, тип Гали, и обдумав хорошенько, я уверен, вы ее сыграете. Но если вы будете, играя, думать о том, как бы лишний раз не поцеловать, как бы известный жест публика не истолковала не в мою пользу и т. д., тогда Галя выйдет у Вас деланною. Читая роль, сначала не зубрите, а вычитывайте каждую фразу, делайте растяжки и паузы, где найдете удобным; и, боже сохрани, в этих случаях придерживаться авторских ремарок. Известно, что у одного выходит хорошо, другому может не удался, и потому призывайте в суфлеры чувство. В сцене со Стехой Галя — барышня наивная и добренькая; рассказ о Назаре: таинственность и торжественность. Песенка поется шутливо, игриво, с легким приплясыванием. Выход Гали при сватах: грация, изысканность манер, маленькая застенчивость, смешанная с легким кокетством. Обратите внимание на сцену: „Знаю, знаю, догадався! Ти хочеш і князя зав'язати?“ (слова отца). Замирание сердца, руки дрожат, в глазах счастье!.. Понятно ли?

Ей-богу, кажется, уж так много сказал об этой роли, что вы уже торжествуете, говоря себе: „а я думала, что это так трудно“.

А затем целую ваши рученья и жду вашего ответа. А что, какой я прекрасный мужчинка: ни злобы, ни желчи, ни сомнений, ни отчаяния!.. Лечите, лечите и лечите! Маме рую, Васе щецо, сестре рукопожатие. Посылаю вам дуэт. Мотив написал в минуту отчаяния и томления.

Как ваша лихорадка? Ваш Марко.

Попросите маму сыграть аккомпанемент дуэта, мне кажется, что он весьма удачен, и в духе малороссийском. Надеюсь получить от Мозера „Невольника“. 2-го был мой бенефис, и сбор плохой: мне достался 51 р. Скверно! Что-ж? Публика не любит трупы. Я пел попури из 6 пьес на 2-х малор., 1-й дяковской, 1-ой немецкой, 1-ой русской и куплетов русских. Переодевался и переприбирывался так быстро, что публика поражалась. Устал после этого так, что, едуци из театра, уснул в санях. Заметьте, что кроме этого я играл в драме и водевиле. И стоило-ли трудиться. Пьеса эта: „Болезнь века“, др. в 5 д. Вот советовал бы полтавским любителям ее поставить. Она немного длинна и ее необходимо сокращать так, как мы ее сокращаем. Завтра намерен отправиться на охоту, ибо нога моя находится в вожделенном здравии и благополучии. Только, кажется, мороз напугает меня, и я отложу. А между тем мне необходимо поохотиться. Я всегда после охоты добрее делаюсь и постояннее. Тося, молитесь за меня, а я не умею отрешаться, и молитва моя иногда походит на нравоучение богу. Так много я мучился, что перестал верить, а между тем я хочу верить, мне надо верить! Уж вы, как себе хотите, а я после спектакля поеду к вам и просижу до поезда. Пусть это будет неделикатно и даже дерзко, но ей-богу, я сдурею, сидя в 4-х стенках 4 часа! Вы себе представить не можете, какое на меня впечатление производят руины. Уж вы, пожалуйста, пригрейте меня и приютите; а нет, я поеду лучше в гостинницу, а не в театр. Нет, ей-богу, пожалейте вы своего Маркушку.

Устройте так, чтобы репетиция в пятницу была вечером, а не днем. Будем чайничать и репетировать. А хоры пусть себе днем.

Куплеты надо будет только сретировать.

9-го декабря 1880 г.

Дорогая Антонина Васильевна!

Понятно, что я должен покориться необходимости, хотя считаю с своей стороны необходимым ужинать у Милорадович: не могу я сидеть на вытяжке и говорить час чопорным языком и прибирать выражения с деликатным соусом, — вроде... „Да!.. Конечно!.. Если-бы!.. Как вам угодно!..“ „Я с вами вполне согласен“ и т. д. Между тем в обществе Екатерины Ивановны и ей подобных поднимаются часто вопросы, разрешение которых часто противоречит моим взглядам; меня поджигает и подзадаривает какой-то бес поспорить, а я молчу, потому что решительно не понимаю, прилично-ли спорить, не сочтут ли меня невеждой. Этот ложный стыд, трусливое самолюбие меня волнуют, и я с большим удовольствием предпочту съесть порцию плохого мяса в скверной гостиннице, чем в гостиной (или столовой) Екатерины Ивановны душистый котлет французской кухни. Право, я не чудак, но я так подозрительно смотрю на панов, как может быть никто! Что ж, не я тому виною, меня обстоятельства и пережитое горе научили такими глазами смотреть на панов и питать к ним вечное чувство негодования. Если меня эксплуатирует кулак — Выходцев, так я же это вижу ясно; он лебезит передо мною, а я смеюсь; но паны, эксплуатирующие нас, такими оплетают нас сетями любезности и деликатности, что невольно заблудишься в этом лабиринте, и подконец, пожалуй, отрешись от того, во что свято верил, что чтил, чему поклонялся! Да, Боже меня сохрани и помилуй! Вот самый важный пункт, который заставляет меня вилять с ответом: согласен ли я переехать с поста в Полтаву. Я до 2-х часов не увижусь с Вами. Значит, вы будете на уроках. С 2-х часов репетиция вплоть до 10-ти, уж верно так, выходит, мы в пятницу будем с вами пользоваться получасом. В субботу вы на уроках, вечером спектакль, после спектакля вы ужинаете, я на вокзал и машир нах гауз?

Приятно, очень весело!

Покоряюсь и принимаю предлагаемые условия и требования, так как они вполне законны. Виноват, и с удовольствием извиняюсь за ту фразу в моем письме, где я просил позволения видеться с вами после спектакля; с каким бы остервенением я зачеркнул бы ее, выцарапал ногтями, вы-

грыз бы зубами! Виноват, тысячу раз виноват! Видите, я не волнуюсь, не раздражаюсь, а вот так: глупость ляпнул, и готов себя за это высечь. Пожалуйста, относительно роли Гали не бойтесь и не печальтесь: она у вас должна пройти хорошо; а если-бы и нет, то поверьте, что я, менее чем кто другой, стану обвинять вас за это. Я знаю, вы боитесь не столько моего суда, сколько Жарковой, но она в роли Гали далеко не хороша: нет наивности и той пламенно-девственной и стыдливой любви и страсти, которая в Гале так необходимы, как в Назаре гордость, бесконечная любовь и мягкость сердца.

Жаркова, действительно, прислала мне сегодня второе письмо; на первое я ей не ответил, на что имел свои причины, на второе отвечаю сегодня, так как в нем есть материальная польза г-жи Жарковой.

Бенефис мой (кажется, уж я вам писал) был плох.

До скорого свидания. Целую маме ручку, Васе щечку, а Тосе обе ручки.

Марко Кропивницкий.

22-го декабря 1880 г.

Дорогая моя Тося. Поезд опоздал, и я выехал из Полтавы только в 4^{1/2} ч. утра. Приехал домой и обоих детей застал простуженными: Маруська меньше, но хлопец в лихорадке. Это обстоятельство меня так потревожило, что я растерялся, пока (сегодня только) доктор не успокоил меня, что все окончится благополучно, но хлопец все таки не встает с постели. По этой причине я проведу дома сочельник, и при том на первый день праздника играем, и играем до 2-го января. В Полтаве могу играть только 8-го января, так и сообщите Елене Николаевне.

Что вам сказать, дорогая моя, о себе. Когда я подле Вас, тогда я убежден, что никого не люблю, кроме вас; но здесь я начинаю припоминать разговоры с Вами, и вдруг, как будто невидимая сила начинает меня мучить и бить по сердцу. Я вам не нравлюсь в нетрезвом виде. А между тем ежедневно напряженные больные нервы, вечно отуманенная голова, измученная, истрепанная и разбитая, как почтовая кляча, память; ежедневная трата своего вдохновения в бес-содержательных ролях, ежедневный расход богатого запаса внутренних сил на какую-нибудь дребедень, все это заставляет

актера прибегать к сильным ощущениям и даже напиваться до самозабвения, чтобы предохранить от тех тяжелых чувств, которые приходится ему переживать. Поэтому нельзя выпившего актера презирать, ему надо сострадать, как больному. Есть актеры ежедневно пьющие, но я, сколько вы могли заметить, не из числа их. Подумайте вы только серьезно, что такое актер. Он совмещает в себе целые миры то страсти, то злобы, то отчаяния, то любви; он в один час тратит больше слез, чем другой во всю свою жизнь, он в 5 минут переживает десятки лет. Чем же прикажете пополнять ужасный расход? Актер, играя, например, роль миллионера-богача, кончил роль, сошел со сцены, но богач в нем еще живет; и вот он приходит домой и ужасное настоящее: недостаток, бедность, лишения его истязают, мучат. Он ищет забвения... Актер, играя страстную любовную роль, сходя со сцены, еще продолжает любить со всем пылом, со всюю страстью, и вот причины, почему он ищет забвения в оргиях, в беспутстве, в разврате... Больше скажу вам! В больших труппах, напр., в императорских, если вы хоть скольконибудь наблюдательны, вы, встретив актера даже на улице, можете легко определить его амплу (так как в больших труппах на каждое амплуа есть специальный актер), это верно! Играющий злодеев: выражение лица зверское, ежм походка, взгляды исподлобья и т. д. Драматург и трагик, — вечно мрачны, вздыхающий, взгляд презрительно иронический, либо сострадательный и т. д. Простак — вечно каламбурит, шутит, дурит, анекдотцы собирает и сам сочиняет... Не значит ли, что актер вне сцены долго еще не может отрешиться от сыгранных ролей? Итак, искать забвения актеру не грешно. Для Вас это обидно и щекотливо, а мне больно. Как примирить это? Вопрос, и вопрос весьма важный. Не нравится Вам, что я со всеми быстро схожусь на ты. Пока люб мне человек, я с ним на ты; не люб он мне, выбрасываю его из памяти, уж насильно не стану подерживать с ним связей.

Пост, Великий пост все разрешит. И потому соглашаюсь с Вами и говорю вместе с Вами: поживем вместе, узнаем друг друга, изучим, и тогда... Вы бы желали, чтобы я сошелся с Полтавой, не будет ли это тюрьмой для меня, клеткой для меня, как для артиста?

Узкое поле, толчение воды, трата двойная сил, застой. Там жизнь для артиста, где есть соперники, где можно соревноваться, состязаться. Увы! В Полтаве этого нет. Школа, будущего школа, это дело тоже, но удастся ли?

Где силы, которые, отрешившись от всего, возьмут крест свой и последуют на служение искусству? Играть же, как поденщик, как подчиненные и т. п., игра не стоит свеч.

Поздравляю вас с наступающими праздниками, желаю встретить весело и здорово. А мне каторжная работа кразу 8 дней. Целую маме ручку, Васе щечку, а вам обе ручки. Поклон сестре.

Ваш Марко.

28-го декабря 1880 г.

Дорогая Антонина Васильевна.

Вероятно, в этом году я вам пишу последнее письмо, дай бог, чтобы 1881-й был для меня удачей! Я так измучен, как почтовая кляча, как каторжник; репертуар самый ужасный. „Хижина дяди Тома“, „Русалка“ и „Бракоразводный процесс“, „Уголино“, „Светит да не греет“, „Мазепа“, „Ограбленная почта“, „Русская свадьба“, „Сестра Тереза“, „Екатерина Говард“, „Железная маска“, не говоря уже о водевилях и дивертисментах. Репетиции до 3-х часов, не успеешь пообедать, как уж надо итти в спектакль. Нет, конечно, последний сезон я служу посезонно, буду играть лучше от спектакля; надо во что бы то ни стало добираться до большого города, где большие труппы и где чередуются актеры. У меня теперь так пусто в голове или лучше сказать так полно фраз, сцен, монологов и всякой дребедени, что я решительно не в состоянии отрешиться и составить сколько-нибудь сносное письмо.

Вчера получил от Елены Николаевны телеграмму с просьбой приехать на 4 дня, но я едва выпросился на 7-е и 8-е генваря. „Наталку“ можно поставить 7-го, а „Гаркушу“ или „Сватанье“ или „Назара“, даже „Дай сердцю волю“, пусть 8-го, но только не „Чорноморці“. Невозможно „Чорноморці“ ставить с одной репетиции; да и кроме того, я не имею времени оркестровать музыку. Надо отложить на Великий пост. Так и сообщите Елене Никола-

евне. Детвора моя в коклюше. Коте лучше, а Маруся еще плоха. Я мечусь, как угорелый: беда и с детьми, беда и без детей.

Скажу Вам, дорогая Антонина Васильевна, относительно вашего письма ко мне, т. е. относительно вашего приданого: я его не искал и не ищу, я ищу друга, а не средств, найду ли я в Вас друга? Пьянство — болезнь непосредственных актеров, и я подвержен той же болезни: я пью не часто, но пью; и если вы еще раз меня встретите с таким же презрением, как встретили прошлый раз, то этим вы, быть может, доставите удовольствие многим, но мне причините большое горе. Охота и забвение за чаркой вина, — это те паллиативы, без которых я не могу существовать. Сумейте заменить эти развлечения без насилия и без злобы, и, может быть, замену я приму с удовольствием. Скажу только вам, что ни салоны, ни роскошные обеды, ни самые деликатные разговоры, приправленные розовым маслом и обрызганные туалетным уксусом, ничто для меня в сравнении с болотами, заросшими камышами и лататью, и после охоты чаркою водки с куском черного хлеба. Повторяю Вам: это мой воздух, которым я обязательно должен дышать, хоть раза два в месяц. Летом (август и половину сентября), я положительно весь отдаюсь охоте, затем режу и режу охочусь и в глубокую зиму почти не охочусь. Посмейтесь над всем этим, похочите, но меня не переделаете, такое уж я добро уродился! Только на охоте я добр, человечен, ласков, бесконечно любящий; там сам-друг с природой, я, развалясь усталый на мягкой земле, поэтизирую, увлекаюсь, умиляюсь и забываю все горе, все обиды, — только там я человек, сотворенный по образу и подобию божию. Я понимаю, как я глубоко понимаю, читая, увлечения Гоголя („Тарас Бульба“, „Украинская ночь“ и т. д.); знаю, почему любя степь казаку, степь без конца, как море; и сумерки в тихой степи, и темная, непроглядная ночь, и стоны ветра, и рев Днепра — все это я понимаю, все это я изведаль на самом себе.

До свидания. Тороплюсь в спектакль, сегодня я играю Уголина. Пожалуйста, пишите, на чем порешат, т. е., на каких пьесах останутся.

Целую маме ручку, Васе щечку, а вам обе ручки, Елисавете Васильевне мой реверанс.

Тосю маленькую прошу поцеловать. Прошу передать мое глубокое уважение Елене Николаевне, Елизавете Ивановне, Софье Петровне и Василию Ивановичу.

Ваш М. Кропивницкий.

12-го января 1881 г. Елисаветград.

Дорогая Антонина Васильевна

К чему волноваться, безумствовать, мучить себя и другого, близкого, своими сомнениями, выходками и разным сумасбродством. Вот те вопросы, которые у нас обоих вертятся теперь в голове, в душе и в сердце, не так ли? Ведь мы не дети, мы оба взрослые, и почему же нам нравится так эта игра в жмурки. Что мы любим друг друга, это несомненно, по крайней мере, я ручаюсь за вас; не знаю, поручитесь ли вы за меня. Но „чем дальше в лес, тем больше дров“, говорит пословица; у нас же дело выходит наоборот: наши отношения, чем дальше, все больше и больше запутываются, перепутываются, усложняются. Мы забрели в какой-то дремучий лес, и уж не найдем проселка: ни назад, ни вперед: я дуюсь, и вы дуетесь... Какой же всему этому конец воспоследует. И так, ради бога, ради всего святого, поговорим же мы толково без желчи, лишних терзаний и пререканий, — поговорим, как друзья, истинно желающие друг другу счастья. Мы оба хорошо знаем, что средства для жизни, это одни из главных условий, на которых зиждется довольство и покой семейной жизни; мы хорошо знаем, что такое средства: 2000 р. в год не средства, а подспорье к средствам. Знаем мы хорошо и ту пословицу, что: „одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна“. А знаете ли вы, что такое „черный день“. Я не способен копить гроши и копейки для черного дня, хотя знаю, что он меня не минет. Ведь не получил же я от своего отца ни наследственных лугов, ни замков, а от матери фамильных бриллиантов, — значит, черный день для меня не побежден, он придет! Подумайте на этом хорошенько! Я боюсь нужды, боюсь нищеты, боюсь бедности, потому что испытал их; и до пор сих мороз по коже подирает, как вспомню. Наконец условия нашего печального времени так туманны и неопределенны, что, право, ни вы, ни я не дадим ясного

отчета на такой повидимому простой вопрос: „кто я“. Мы так запуганы последними событиями, брожением умов и всеобщей неурядицею, что в своих галлюцинациях доходим до отрицания самих себя: кажется, что это я, и кажется, что это не я. Сегодня сочувствуем тому, что вчера презирали, чем вчера пренебрегали и наоборот; сегодня мы самые разнузданные либералы, а завтра самые рьяные ретрограды; что вчера мы боготворили, то сегодня заплевали, чему вчера поклонялись, сегодня закидываем грязью. Кто имеет чуткую натуру, тот не может не отзываться на все это, мимо того не может все это пронестись, не задев его, не замутив. Вот вам те причины, которые вечно мучат меня, печалуют и выворачивают душу наизнанку. Укажите мне идеал, в которой можно было б уверовать, и я паду ниц перед ним; не укажете, его нет. И вот в моей душе, в моем мозгу вечный хаос, вечный сумбур!.. Я не могу примириться с такой жалкой логикой: „бог создал мир, та й бог з ним, а ти, жінко, у це діло не мішайся“, потому что сердце мое пережило и перечувствовало многое множество идеалов, хоть призрачных, но все таки идеалов; оно не может не заглядывать в будущее и зачерстветь в неведении, убаюкиваемое сказочками: „так быть должно“, „против судьбы ничего не поделаешь“! Нет, я знаю, что не так быть должно, что никакой судьбы нет! Я не хочу, чтобы Н. имел больше меня прав на то, чтобы развезжать на рысаках, курить настоящий турецкий табак, пить самые хорошие вина; я настолько же образован, как и он, а может быть и больше; зачем же ему все, а мне ничего. Я не хочу, чтобы Н. едва кланялся мне и думал, что этим он оказывает мне величайшую честь; я не хочу, чтобы Д. проматывал и швырял на ветер то, что не он добывал и зарабатывал; я не хочу ничьей претензии, ничьих благодеяний! Видите-ли, какой я эгоист!

В прошлом письме я вам сказал, что людей, способных жертвовать собой для одного человека всецело, я считаю жалкими, нищими, нищими духом, что и я способен на один миг забыться, но только на один миг! Вытравьте из моей души любовь ко всему человечеству, угнетенному и приниженному; убейте в моем сердце любовь и чувства к порабощенным, и я буду благодущный россиянин и образцовый

член клуба; с гордостью буду отзываться о прекрасно варящем желудке Ивана Ивановича и непринужденно-любовно рассматривать собственноручное вязанье шарфов Петром Петровичем. Стану усердно посещать храмы господни и баню, поздравлять высокопоставленных особ с новым годом и с выздоровлением „кадошки“, любимой собаченки графини Хрю-хрю. Словом, буду образцовым и милым господином. Теперь же я урод, полупомешанный, брюзга, хандра, баламут и т. д. Понятен-ли я вам теперь! Боже вас сохрани подумать, что я здесь что-нибудь преувеличил, я уменьшил, многое сократил, и вы понимаете, что именно, — для этого нам дан природою разум читать между строк. Наконец, я вас должен окончательно поразить. Мои религиозные верования слишком эксцентричны: пятнадцать уж лет, как я поселил в своей душе духа сомнения и отрицания; говоря яснее, я отрицаю все, почитаемое святынею, что сделано руками человека; я признаю крест, как памятник, что на нем был распят бого-человек; я чту бога и чту евангелие, но не признаю ни попа, ни дьякона... Меня возмущает худо скрываемая личина и всякая маскировка: поп в атласной рясе читает проповедь об обязательной помощи друг другу: „поделись имуществом твоим с ближним“..., а сам грабит, вымогает и жмет бедняка, архипастырь возносит очи к небу, так и лезет в рай, а втихомолку имеет целый гарем жен и т. д., и т. д. Все это меня отравляет и возмущает. Видите-ли, какой я человек! Неудивительно, что я сказал, что будто бы я не знал до сих пор, что вы не курите: папироска — простая вещь. А знаете ли вы меня с этой стороны! Ведь тоже нет! Знаю, что и у вас чуткая натура, и не сомневаюсь, что и вам скребет мозг такой водоворот, такой омут пошлого настоящего и туманного безызвестного будущего, но может быть вы умеете все это примирять, а я не умею! Вот видите-ли, что мне нужен друг, который бы умел жить не только минутами моих радостей, но главные часы и сутками моих скорбей и горя. Не найду такого друга, буду сам скорбеть и горевать! В пятницу утром я в Полтаве, и вы, как истинный мой друг, должны будете встретиться со мной радостно и счастливо. Помните, я вам как то раз сказал: „полюбите меня с моими недостатками“. Вот и они вам, мои недостатки. Ваш *Марко Кропивницкий*

Р. С. Целую ручку маме и желаю ей от всей души скорого выздоровления, Васю целую, сестричкам прошу передать поклон. Боже мой, я боюсь, что вы снова меня не поймете и снова будете волноваться и мучиться. А между тем я так чистосердечно исповедую перед вами мою душу и говорю: друг мой, посмотрите на меня простым глазом и чистым сердцем. Я был исковеркан, искалечен, я весь из желчи и злобы. Скорбеть я умею часы, а радоваться лишь минутами; последнее вы должны были заметить, постоянно даже замечали, но не знали, чему это приписать.

ЛИСТИ ДО М. Ф. КОМАРОВА

Многоуважаемый Михаил Федорович!

Писал я к Мозеру, в Петербург, чтобы он выслал мне мой водевиль „За сиротою и Бог с калитою“, и получил на днях ответ, что он не может исполнить моей просьбы; я снова усугубил мою просьбу и надеюсь получить, по крайней мере, через неделю удовлетворительный ответ.

Вероятно, вы уж имеете № „Харьк. Вед.“ с „Дай сердцу волю“, я же свой, чорт его знает, куда засунул, и никак не найду. Посылаю вам 5 рублей и покорнейше прошу вас: выписать мне на один месяц „Зорю“ и на полгода с 1-го № „Киевскую Старину“ — по следующему адресу: Марку Лукичу Кропивницкому, в г. Бобринец Херсонской губернии, до востребования. „Зорю“ прошу с 1 мая, а „Старину“ с 1 №, т. е. с генварской книжки. Если не достанет (я не помню цены журнала), то доплатите свои, а я вам вышлю по получении вашего письма.

Уважающий вас *М. Кропивницкий*.

Если увидите с Старицким, то скажите ему, „що так добрі люде не роблять, що не одповідають на листи“.

29 Апреля 1882 г.
Елисаветград.

Шановний добродію, Михайло Хведорович!

Я-ж вам і тоді ще, як ми мали умову на видання моїх творів, казав, либонь, що не згоджуюсь на те, щоб при творах були видані ноти. Бо це видання здаватиметься мені якимсь аляповатим! Окрім того, я тепера не маю при собі партитур, вони всі у Харкові, та й переписувать їх нудна робота. Я вже й не радий, що згодився на те видання, багато клопіт!

Казав і кажу вам, що є невеличка твора: „За сиротою й Бог з калитою“ (водевіль у 1-й дії); і був він надрукований у „Новоросійськiм Телеграфі“, чи в 70 чи 71 році — не пам'ятаю гаразд. (У мене екземпляра украдено!). І писав я у Петербург до Мозера й гроші послав, і ні чутки, ні вісті! Не я його посилав на дозвіл до кону, а хтось инший, тільки я своїми очима бачив (у списку дозволених безумовно к представлению, от 71 до 79 года), що він значиться дозволеним.

Шукав я тутечки по книгарнях „Нов. Тел.“ за ті роки, але нігде нема його. Що-ж маю робити! Нового нічого не написав і не пишу: баглаї напали і коло серця занудило, не вам кажучи; так ото й воловозуся з дурним серцем! Йй-богу, ви вже хочете „як коржа, так коржа, як спечемо, то й дамо!“ Надрукуйте ви чотирі твори поки що, а там ще може спробуюсь і знову може назбираю на книжечку. Оце-ж той і знайомий Петербуржський, Мозер, бодай би він опух з його приязнею: він бібліотекарем Александрійського імпер. театру, а звуть його Александр Христіанович Мозер. Може-б ви змогли через кого з Адеських людей дістати того „Нов. Телеграфу“ (за 70 й 71 роки); написали-б, щоб там пошукали ті номери.

Також благаю вас: не робіть мені прикрости, не малюйте ніяких картинок до видання, а також і моєї пики,— ей-богу, я того не хочу!

Зайві гроші верніть мені!

Я тепер дуже зворушений, через те й сердитий, як зінське щеня; усе мені не вдається, через те й в голову нічого не лізе!..

Живу я тепер у хуторі, у Катраці. Думав тут знайти спокій і одпочивок, — та ба! Багато говорить, та нема чого слухать!

З 22-го іюня, здається, буду грати у Харкові, шість спектаклів. Закликали мене у Москву, але я зволікся з одповіддю й через те втерся; чутка йде, що туди поїхав Любим-Деркач¹⁾.

Широ шануючий вас

Х. Андреевка
13 іюня 1882 г.

Марко Кропивницький.

А що там Іваненко дума з зімнім сезоном?

Многоуважаемый Михаил Федорович!

Ради Бога, известите меня, когда я получу свои книги? Писал я несколько раз домой, в Елисаветград, поручал справиться на почте; ответ один: „не получены!“. Что-ж это такое?

Здесь мы играем до Великого поста, — три раза в неделю. Сборы хороши! 7-го февраля, в понедельник идет здесь „Глытай“, а в следующий понедельник „Доки сонце зійде...“.

Труппа нравиться, хотя и жалеют о старухе, бывшей в нашей труппе в прошлом году — о Тимаевой, — которой впрочем и Киев не видел.

Пожалуйста вышлите книги!

Как мне досадно было, что я не успел повидаться и поговорить с Николаем Витальевичем²⁾; меня уверили, что он остался еще на один день. Приезжаю в гостинницу, мне говорят: „уехали с утренним поездом!..“.

Был я уже два раза в оперном театре, на „Різдвяной ночі“ — в 1-й и 3-й раз. Пойду еще раз. Как жаль, что исполнители плохо владеют языком!

Предлагали мне играть Чуба, но я „убоялся“ и отказался.

Прошу кланяться усім добрим людям.

С совершенным почтением. Имею честь быть покорнейшим слугою.

М. Кропивницький.

Харьков
5-го февраля 1883 г.

Адрес мой: Театр Дюкова, Артисту Марку Лукичу Кропивницкому.

¹⁾ Антрепренер „русско-малорусского“ театру.

²⁾ Лисенко, М. В. Український композитор.

Марк Лукич Кропивницький і Надежда Васильевна його жінка, шлють Вам, з дружиною Вашою й сім'єю вітання й бажання всього доброго і жаданого в житті і просять пробачення, що від'їздять, не побачившись на розлученні, бо дуже скучили за дрібною діворою, котра вже очі прогляділа, виглядаючи з того хутора, що Затишком зветься.

Досилаю Вам твори: „Блакитна троянда“, „Звичайна річ“ і „Не зрозуміли“.

З щирим серцем і подякою

М. Кропивницький.

21 февреля 1900 р.

Одесса.

Многоуважаемый Михайло Хведорович! Я таки наважився їхати у Київ. Як що можна, завірте синові моему копію п'єси: „Нашествіє варварів“, він посила її одному українському антрепренерові. Будь ласка дайте мені заміточку: у яким році Ви видали мій „Збірник творів“ й в яким році надрюкована Рада, у котрій міститься: „Не судилось“.

З великою пошаною *М. Кропивницький.*

13 ноября 1901 р.

Одесса.

2-X-906 г. X. Затишок

Ст. Староверка. Харьк. Балаш. ж. д. (Ю.-З.).

Високоповажаний Добродію Михайло Хведоровичу!

Мабуть так вже мені на роді написано раз-у-раз не догожать, коли не людям, то цензурі. „Розгордіяш“ ще у Марту місяці звернуло мені Главне Управление по ділам печати, з надписом: „к представлению признана неудобной“. Подержав я її у руках, повертів, хотів переробить, а потім, як згадав, скільки мене били і земляки і чужинці за ті перероби хоч-би „Олесі“, чи „Дві сім'ї“, „Титарівна“, „Конон Блискавиченко“... короче кажучи, ні жодна моя п'єса, окрім: „Чмиря“, „Пісні в лицах“ та „Дурисвітки“— не минула червоного оливця... Взяв та й одіслав її Володимирові Павловичу¹⁾, щоб надрюкував в „Київській Старині“,

¹⁾ Науменко, редактор журналу „Киевская Старина“.

ото-ж він і надрюкував її. Оце й казці кінець. „Скрутну добу“ я вже не посилав до цензури, а віддав до „Рідного краю“. Там її спобігла напасть — відбитки сконфісковано і скоро мене потягне Харківська Суд. Палата к одвіту, кажуть, що ніби-то вже діло у прокурора, але я ще звістки певної не маю. Оце не казка, а приказка до другої моєї твори.

Д. Дмитрієв¹⁾ пише мені: „будемо одбріхуватись“.

Написав я і третю п'єсу та вже держу її під сукном... Зараз почав перелицьовувати декотрі твори Шекспіра на наську мову, звичайно, з російської, бо чужоземних мов не втну. Вже перелицьовав Отелло. Давно я читав перевод П. О. Куліша, котрий, на мою думку, переведений дуже тяжкою мовою, не коною (сценічною), може колись комусь мое перелицьовання й знадобається. Приймаюсь за Шейлока.

Я цілком здоровий, тільки вуха мої одняли у мене на віки суфлера. Тепер занявся садовою, городиною, бджільництвом, виноградом, кукурузою і т. д. Инколи кличуть мене: в Харків, в Куп'янськ, в Ізюм — грать або читать, з добродійною метою, і я не зрекаюсь.

За книжку, якщо пришлете, буду Вам надто вдячний.

Кликали мене на гастролі до Петербургу і в Москву, але кидати в хуторі сім'ю в таку годину — не зручно. Хвалити бога, мене ще не зачіпають, хоч іноді потрошку щіпають: то копу хліба стягне, то скільки копиць сіна, або в лісі вируба 3—4 дубка, вкраде два вулика бджіл... Але це й раніш траплялось. Діти мої живуть в хуторі. Старша ще торік скінчила 8 клас, поїхала торішню зиму в Париж вчитись співать та простудилась там і на Різдво мусила вернутись; тепер важиться їхати в Петербург. Хлопець що-года держить екзамен при реальнім, вже видержав у 5-й клас (йому ще тільки 13 років), але що года ваканції брак. Дівчатко 11 год, лагодиться до 3-го класу і теж дома; а жінка гоїть бабів, котрі іноді просять і поворожить: чи не вгада вона, хто вкрав сувій полотна. Ліки і ворожба нерозрізно існують в селі.

Діти мої на гулянках завели собі школку і вчать дівтору хутірську, чоловіка з 8-м. Тут багато хуторів, а школи дасть біг. Хотів-би завести у себе школу, і помешкання є — дом

¹⁾ Редактор-видавець журналу „Рідий край“.

в 7 кімнат, дав-би і топливо і світло і харч вчителів, а більш не могу нічого дати. Перестав грати і злишився заробітку тисяч на три.

Одначе, будьте здоровенькі.

З найщиршою пошаною

М. Кропивницький.

В „Розгордіяші“ салдат взятий з життя, цей факт з дво-мужеством вчинився в імені нашого президента земської управи.

ЛИСТИ ДО О. З. СУСЛОВА

Дорогой Онисько! Чертяка попхала меня в Полтавщину и я еле-еле сегодня только возвратился в Харьков. Выпусти анонс!

Анонс с 11 апреля 1889 г. В Елисаветградском городском театре, труппою русско-малорусских артистов, под управлением и режиссерством М. Л. Кропивницкого будет поставлен ряд спектаклей, желающие заблаговременно приобрести билеты могут обращаться в редакцию „Ел. В.“ и... (куда ты найдешь удобным?).

Состав труппы:

Женский персонал: А. П. Карпинская-Кравцова (Затеркевич), А. И. Борисоглебская, В. С. Лучинская, Е. Ф. Зарницкая, Н. В. Базарова, У. А. Сластина, Н. В. Жаркова, Д. И. Куликовская, Т. В. Николаева, В. М. Макарова и др.

Мужской персонал: М. Л. Кропивницкий, А. Н. Максимович, В. М. Викторов, О. З. Суслов, Ф. В. Левицкий, И. А. Науменко, И. А. Загорский, К. М. Поздняченко, Ф. Я. Руденко, Я. В. Жарко. П. Я. Борисоглебский, Ф. Ф. Яковлев, А. М. Котылев, Г. И. Иванов.

Хормейстер П. В. Ступницкий. Дирижер М. Т. Васильев. Суфлер Л. А. Монахов. Декоратор К. А. Ноде.

В анонсе добавь: кто пожелает абонироваться не менее как на 10 спектаклей, тому делается уступка 15%, на меньшее количество спектаклей абонемент не принимать.

Оркестр из 20 человек. Хор мужской и женский.

Всех спектаклей будет от 14 до 15-ти. Закончатся спектакли 28 апреля. С 5 апреля начнем репетиции, в Харькове, о чем я всех и извещаю; к этому времени и ты прибудь. Забины в анонсе нет, потому что и до сих пор я от него не получил ответа на мое категорическое послание относительно ведения кассы и счетов. С 13 апреля Садовский играет в Харькове, в Коммерческом клубе, 8 или 9 спектаклей,.. Судя по анонсу Садовского, в котором фигурирует фамилия Васыленко (вероятно, родственник Забины) можно предположить, что и Забила будет у Садовского.

Любящий тебя *М. Кропивницкий*.

30 марта 1889 г. Харьков.

Конторская д. № 17.

Репертуар

Наталка-Полтавка, малор. опера в 3 д. и 3 кар., соч. И. П. Котляревского.

Сватання на Ганчарівці, комед. в 3 д., соч. Григорія Квітки-Основ'яненка.

Назар Стодоля, др. в 3 д. соч. Т. Г. Шевченка.

Шельменко-денщик, ком. в 5 д. Гр. Квітки-Основ'яненка.

Чорноморці, комедія в 3 д. М. Старицького.

За двома зайцями, ком. в 4 д. Старицького-Левицького.

Запорожець за Дунаєм, опера в 3 д. Гулака-Артемовського.

Дай серцю волю, заведе в неволю, др. в 5 д. и 6 картинах, соч. М. Л. Кропивницького.

Глитай, драма в 4 д. и 5 карт.—его же.

Невольник, драматичні картини—его же.

Вуси, комедія в 4 д. и 5 карт.—его же.

Доки сонце зійде, роса очі виїсть, др. в 4 д. и 5 карт. его же.

Пошились у дурні, шутка в 2 д. 3 картини — его же.

По ревізії, этюд — его же.

Кум мирошник, вод. в 1 д. соч. Дмитренка.

Бувальщина, вод. в 1 д. соч. Вельсковського.

Як ковбаса та чарка, то минеться й сварка, вод. в 1 д. *М. С.*

Конечно, есть личности, которым интересно и даже некоторым просто выгодно толковать обо мне вкось и вкривь — вот источник всех слухов. Мы начинаем сезон в Вильно 8 апреля, вот что может случиться, что я не поспею к 1-му спектаклю, потому что 5-го 1-й день пасхи, и рев и галас могут подняться, но во всяком случае, постараюсь быть твердым духом. Первым спектаклем может пойти без меня „Дай сердцу волю“; но может быть, и я начну с первого спектакля. Раздольский кажется поедет, еще не кончил с ним, но, вероятно, кончу. Хор будет, беру Неверова, Борисенка, остальных подыскиваю в Вильно. Хормейстером будет Нефедов, но об этом пока молчек. Предлагают услуги многие, но я откладываю на будущее время их дебют. Затыркевич вероятно служит у Садовского; на ее предложение я сказал, что за ло м лен н о е ею жалование равносильно ее нежеланию оставаться в нашей труппе. Она присовокупляет, что, вероятно, я не сочту ее перебежчицей и зажму рты тем, которые осмелятся так о ней выразиться; я, разумеется, попросил ее снять с меня налагаемые ею обязанности: мирового судьи, полиц. надзирателя и прочие. 22 марта концертирую в пользу голодающих в труппе любителей Купянска. Скажи всем, чтобы глупым и подлым толкам и сплетням не придавали никакого значения. С 8 апреля по 8 июня подписан контракт с Шуманом, с 12 июня по 8 апреля с Гладким в Харькове, а относительно зимы я теперь сказал выработать маршрут, вот ты об этом теперь и постарайся, спишись с городами от имени товарищества в качестве управляющего, я приеду и тогда окончательно маршрут утвердится. Писал ли ты Михайлову? Необходимо знать его ответ, ибо имею предложение...¹⁾ скажи: если желают уезжать, чтобы сейчас ответили, без виляний. Кажется все! До скорого свидания.

19 марта 1892 г.
Купянск.

Ваш М. Кропивницкий.

Дорогой Ониську! Я не найшов того экземпляра, по котрому йшов „Олексій Попович“ в Одесі (десь пропав); а

¹⁾ Не розібране слово.

передививсь черновик і посилаю. Номера вишлю завтра. Знесилився і дуже трудно мені працювати без передишки, а довелось просидіти над екз. чимало таки. Я хотів-би, щоб так йшов „Попович“. Покличте-ж мене, як гратимете.

Всім кланяюсь.

М. Кропивницький.

Дожидаю, що хтось таки приїде до мене.

4 августа 1904 г.

х. Затышок.

Г. Брандорф окончил оркестровку „Энеиды“, нельзя ли проиграть ее в средних ч.ч. августа в Вашей труппе; быть может, у Вас же она впервые и пойдет. Голова так болит, что не в силах писать. Поклон всем.

Любящий Вас всех М. Кропивницький.

1 августа 1904 г.

х. Затышок.

Приезжайте хоть ктонибудь!..

х. Затышок, 11 сентября 1904 г.

Дорогой Онисим Зиновьевич!

Сейчас приезжал ко мне Абрам Мойсеевич Брандорф и привозил готовую оркестровку „Энеиды“, я прослушал ее под фортепиано; но это, разумеется, не то, что слышать ее в оркестровом исполнении. Музыка весьма интересная, сложная и трудноватая; мне кажется, что при добросовестной репетовке пьеса эта будет пользоваться выдающимся успехом и при поездке в Питер может быть до некоторой степени кормилицей. Я бы рекомендовал тебе (если ты желаешь поставить „Энеиду“) пригласить г. Брандорфа на месяц, чтобы с его помощью разучить поскорее. Я об этом говорил с Брандорфом и он, будучи свободен до половины октября, согласится поехать к тебе. Ты должен будешь петь Зевса, Зина — Диану; Роль Энея чудная вещь — теноровая партия. Царь Латын вероятно будет Хведя Левицкий, Эол — Манько, Нептун — Шатковский, Венеру — жинка Манько, Юнону и Ганну — жена Алексеенка, Сивиллу — Круглякова и т. д. Дареса - борця — твой баритон... Относительно нарядов и

аксессуары пришлю тебе выписку профессора Карышева, набросаю также эскизы декораций. Конечно, приеду непременно посмотреть Энеиду в Минск. Пусть не погневаётся г. Алексеенко, если г. Брандорф примет участие в разучивании, ведь это его первая музыкальная комедия в мало-русском репертуаре и ему, конечно, желательно, чтобы пьеса пошла возможно лучше. Сообрази все это и тотчас отвечай мне и Брандорфу в Сумы. Спроси Марьяненка, почему он мне не пишет и если не получил, то это весьма и весьма неприятно, так как там было кое-что говорено о примадонне. Позавчера я похоронил тещу, мать Над. Васильевны, которая приехала к нам погостить, приехала больной и не выздоровела... Ваня, кажись, с нею познакомился. Я теперь один в хуторе, вчера все мои уехали в Харьков. Я не могу ехать в Харьков, боюсь себя расстроить: скоротить піти в театр¹⁾), піду й нічого не почую!.. Не дай Господи й найлютішому моему ворогові пережить себе, як я себе пережив... За чій гріхи бог мене покарав?

Бувайте всі здорові.

Пиши-ж, скажи Вані, щоб писав та частіше.

Ваш *М. Кропивницький*.

Постой, стой. Твой крестный отец *М. Кропивницький*.

Ст. Староверовка.

Харьк. Балашовской (Ю. В.) Ж. Д.

16 февраля 1905 г.

Дорогой Онисим! Пожалуйста, пришли все пьесы, взятые тобою у меня и оркестровку „Энеиды“, если только ты не отослал ее уже Брандорфу.

Относительно В... скажу тебе, что в нем поселился уже во истину дух — самообольщения и непогрешимости сценической — это удел всех подобных ему. Примеры на лицо!..

Ничего я не слышал о Заньковецкой, хотя в одном письме Ваня как-то писал мне, что слух о новой труппе Волика циркулирует и даже спрашивал, не примкну ли я к ней, но я ни от Заньковецкой, ни от кого другого об этом еще не

¹⁾ Не розібране слово.

слышал. Говоря откровенно, мне крайне неприятно твое отношение к З... не в этом ли лежит главное горе всех недоразумений и кружений в колесе.

Поклон Зине.

Любящий тебя М. Кропивницкий.

1 июня 1905 г.

х. Затышок. Ст. Староверовка. Балашовск. ж. д.

Любий Ониську! Я цікавився дуже твоїм здоровлям і писав про це Іванові Марьянєнкові, дякуючи котрому я й маю твого адреса. З листу Івана я знаю про те, що німці глузують над нами (певно, це Зина йому сказала); нехай глузують, бо ми того варті. Мало глуму, мало!.. Треба переполосувать всіх, котрі головні винувні, переполосувать тими нагаями, котрими годують неповинних... І справді, як задумаюся над минулим нашим, над вихованням, у котрім ми зросли, то й бачиш всі мотиви й всю пакость того виховання. Як кацапчат вчать, що ніякої України не було, а були шайки розбійників з'отаманами: Конашевичем, Дорошенком, Хмельницьким і т. д. Росія їх усмирила, скорила й дала Югу мир і благоденствіє; так вчили нас, що, наприклад, жиди найбільші вороги християн, що замучили Христа (ніби других люди тих часів і не мучили й не розпинали. Але нам до других нема діла!..), що ластівочка, як прикули Христа, плакала щебечучи: „помер, помер голубчикок!“ через те ластівку народ і шанує, що її гріх убивать, або гніздо розорять; а горобець цвірінькав: „жив-жив, ще жив!“ То горобця треба убивати, бо то зла, гидка птиця“...

Таке виховання я здобув в селі, в гурті тих дітей-кріпаків, з котрими вкупі ріс і в болоті валявся... а звісно, що найміцніш до нас прироста виховання дитячих літ та вплив казок і всяких старих бабів-няньок; і ми робимося несамохіть не самими собою, а иншими, робимось і суевірними й такими ми застаємося до самої смерті... Тепер доводиться червоніти за все те, у чім персонально ні душею, ні тілом не повинні... Ти хоч і нещасний своєю болячкою, але щасливий тим, що знаходишся в курсі настрою всемирного й чуєш те, про що тільки натякають Руські Відомості, Син

Отеч. і інші й про що Нове Время, Южный Край й інші ватер-к.... ватер-пруфи замовчують, або переспівують по своїй дудці...

Як-же твоє здоровля? Як німці кажуть про твою болячку? Бажаю тобі швидше звільнитися цієї причепи та вернутись до діла. Коли можеш сидить і писать, то шкребни листа про все цікаве.

Будь здоров.

М. Кропивницький.

Моя Шура закінчила 8-й клас круглою п'ятеркою й з осени їде в Париж, в консерваторію. Володя держе з успіхом в 4-й клас, Ольга в 2-й.

Многоуважаемый Онисим Зиновьевич!

Жена с старшей дочерью уехали позавчера в Петербург— дочка поступает в Импер. драмат. Театральное Училище, — я же остался с двумя малышами дома. Кроме того, у меня идет теперь молотба, нагрузка проданного хлеба и я волея-неволей должен помогать приказчику... Если возможно отложить гастроли до 9 сентября, то я с удовольствием воспользуюсь Вашим любезным приглашением. Начать только не „Глытаем“ и не „Запорожцем“. В двух пьесах играть в один вечер не в силах. Полагаю репертуар такой: „Доки сонце зійде“, „Запорожець“, „Зайдиголова“, „Пошились“ й „По ревізії“¹⁾ „Невольник“ и „Глитай“.

Можно заменить какуюнибудь „Олесею“. Спектакли не ежедневные, а так: Воскресенье, Вторник, Среда, Пятница, Воскресенье и Понедельник.

Если согласны — телеграфируйте и затем можете анонсировать.

Привет Зине и всем приятелям.

Готовый к услугам *М. Кропивницький.*

х. Затышок.

27 августа 1907 г.

Любий Ониську! Ти, певно, читав в Л. Н. В. за 1907 р. „Спогади“ Садовського. Чи читав ти, що Л. Старицька-Черняхівська в „Раді“ й „Україні“ пише про... „и н и ц и а

¹⁾ Единственный спектакль в 2-х пьесах.

тора“ возродження укр. театру?... Я тебе прошу, розпитай людей, котрі пам'ятають, як цар Олександр III балакав з нами в ложі (4 генваря 1887 р.), невже я мовчав з переляку, невже не я відповідав на всі його запити: „давно ли Вы играете на сцене? — „Где вам удалось подобрать такой удивительно талантливый состав?“ „Кто руководит вашей труппой?“ „Вы сами какой губернии уроженец?“.. Л. Стар-Черняхівська закида, що ніби-то Садовський, будучи учнем в Єлисаветі, ставив десь з товаришами спектаклі... Черняхівська ставить йому в велику послугу ті спектаклі. Перевів він „Ревізора“ на укр. мову, і Старицька тішиться заміною високо талановитою декотрих виразів. Наприклад, фраза: „глуп, как сивий мерин“ замінена: „дурний, як старий чобіт“¹⁾.

Д. Ашкаренко, прочитавши „спогади“, пише мені: „Не дворянин я, а міщанин, і не умовлявся в телеграмі, а телеграма мною вкупі з тобою була написана по казенному шаблону.“²⁾.

Раніш чим почав Садовський писати спогади, я почав друкувати в „Новій громаді“ спогади і тільки вмістив першу частину... і зупинив дальші спогади. Ну, як там ваші діла? Я собі зібрав трупу з крест'янських дітей і вистановляю по селах: козу Дерезу, Івасика-Телесика й По щучому велінню (останні обидві мої).

А після цієї мови, бувайте здорові.

Шануючий Вас М. Кропивницький.

*Харьково-Балашовская ж. д. (Ю-В) ст. Староверовка, х. Затышок.
24 генв. 1908 г.*

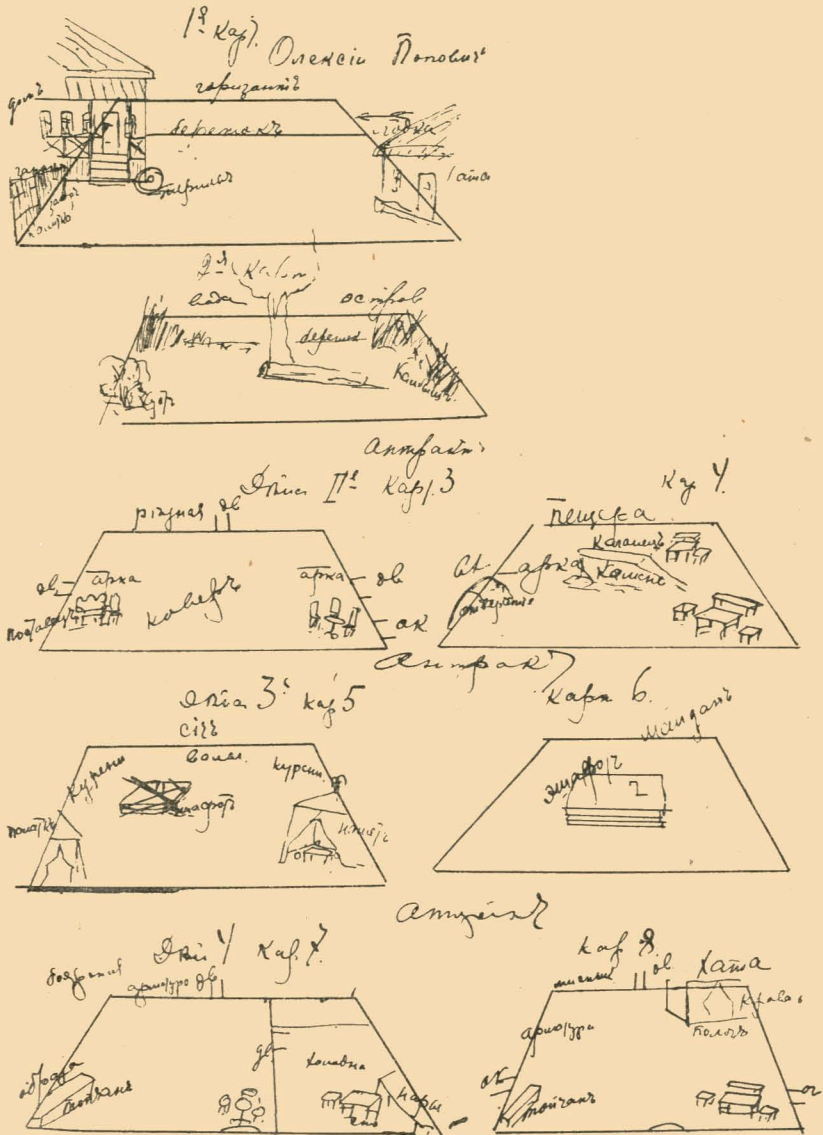
Я давно перевів на нашу мову Отелло і маю дозвіл цензури. Якщо ти довго думаєш пробути в столиці і хотів би поставити Отелло, я дав-би тобі і сам приїхав-би заграть Бранцію. Ти мені вернеш проїзд по 2 кл. і даси по 100 кар. за спектакль. Заграю я не більш двох разів, потім поїду. Далі ти гратимеш з своїми силами, платячи мені по 25 р. за спектакль в Пітері тільки.

¹⁾ Я нічого не маю проти переводу цієї твори на укр. мову, тільки що Хлестакова я лишив-би з обрусительною мовою.

²⁾ Мова йде про посилку телеграми до Лоріс-Мелікова, з приводу дозволу українських вистав.

Власноручні М. Л. Кропивницького малюнки

(Зберігаються у артиста О. З. Суслєва)

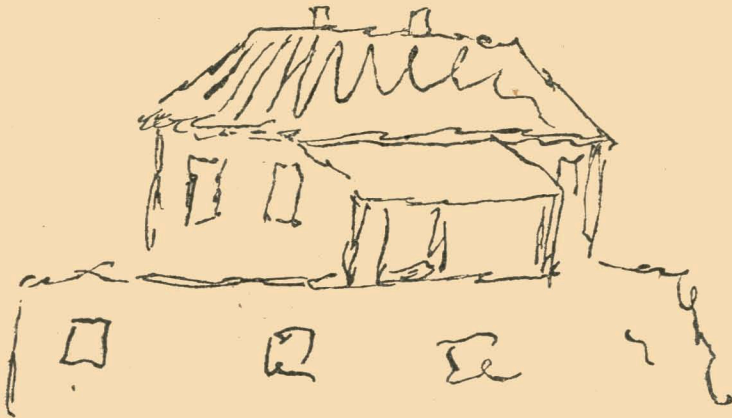

Схеми оформлення кону для п'єси „Олексій Попович“

x Звиди переїздить олекей. Ув-
гика виходить з будинку на ганок,
брусьє з присаїдвє.

Оформлення 1-ої картини „Олексія Поповича“

Хата для 1-ої картини тої-ж п'єси

О Г Л А В

	стор.
Передмова	3
М. Л. Кропивницький його в листах	5
Листи М. Л. Кропивницького до А. В. Маркович	39
„ „ „ М. Ф. Комарова	76
„ „ „ О. З. Суслора	81
Схеми оформлення п'єси „Олексій Попович“	89

2002

n-08

0-30к

Б 262585
Ціна 1 карб. (Р)

КХ

